КОММЕНТАРІЙ

НА КНИГУ

ПѢСНИ ПѢСНЕЙ СОЛОМОНА.

А. Глаголевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Монтвида Гончарная 7.
1909.

22
148

Отдѣльный оттискъ изъ „Толковой Библіи“ изд. ред. „Странника“.

426
37

Книга Пѣснь Пѣсней Соломона.

Въ еврейской Библіи книга Пѣснь Пѣсней помѣщается въ третьей части священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ—среди такъ называемыхъ агіографовъ (евр. *кетубим*), и слѣдуетъ непосредственно послѣ трехъ великихъ агіографовъ,—книгъ Псалмовъ, Притчей и Іова,—и предъ книгою Руѳь. Въ греческой Библіи, въ латинской Вульгатѣ и въ славянской и русской Библіи книга Пѣснь Пѣсней занимаетъ мѣсто въ ряду учительныхъ книгъ послѣ двухъ другихъ произведеній Соломона—книгъ Притчей и Екклесіаста (предъ неканоническими учительными же книгами—Премудрости Соломона—и Премудрости Іисуса, сына Сирахова).

Надписаніе книги въ еврейскомъ подлинникѣ: *Шир-га-Ширим ашер ли-Шломо*, שיר השירים אשר לשלמה воспроизводится и въ греческомъ переводѣ: Ἆισμα ᾀσμάτων, ὅ ἐστι Σολομών [1]). Выраженіе „Пѣснь Пѣсней“ (греч. ᾆσμα ᾀσμάτων, лат. Canticum canticorum) въ данномъ случаѣ не можетъ быть понимаемо ни въ смыслѣ *ряда* или *собранія* пѣсней Соломона (какъ полагали въ новое время изслѣдователи, державшіеся того взгляда на книгу Пѣснь Пѣсней, что она составлена изъ множества фрагментовъ—отрывочныхъ пѣсней, таковы, напр. Клейкеръ, Павлюсъ, особенно Депке и Магнусъ), ни въ томъ раздѣлительномъ значеніи, какое придавали ему нѣкоторые іудейскіе раввины (Абенъ—Езра, Кимхи): „одна изъ пѣсней Соломона“.

Напротивъ, по свойству еврейской рѣчи, въ которой сочетаніе имени въ единств. числѣ съ тѣмъ же именемъ во множеств. числѣ обыкновенно выражаетъ превосходную степень выражаемаго словомъ понятія (ср. такія выраженія, какъ „рабъ рабовъ“ Быт. IX, 25, „Святое Святыхъ“ Исх. XXVI, 33. 34 и др., „небо небесъ“ 3 Цар. VIII, 27, „Суета суетъ» Еккл. I, 2 и др.), „Пѣснь Пѣсней“ можетъ означать только пѣснь превосходнѣйшую, наилучшую всѣхъ другихъ пѣсней (въ своемъ нѣмецкомъ переводѣ Библіи Лютеръ удачно выразилъ мысль этоговыраженія словомъ „Höhelied“, „высокая пѣснь“), и такое названіе

---

[1]) Какъ въ еврейскомъ, такъ и въ греческомъ текстѣ надписаніе книги составляетъ первый стихъ первой главы ея; въ Вульгатѣ же, какъ и въ нашей Славянской и Русской Библіи, надписаніе стоитъ особо и не входитъ въ составъ первой главы.

вполнѣ отвѣчаетъ и формѣ и содержанію данной священной книги: какъ по изяществу своей поэтической формы и внѣшняго изложенія, такъ и по внутреннему, идейному содержанію своему, по богатству мыслей въ развитіи своего таинственнаго возвышеннаго предмета, книга Пѣснь Пѣсней является превосходнѣйшимъ произведеніемъ священной богодухновенной мудрости и священной поэзіи. Указаніе на божественно-возвышенное, вѣроучительное содержаніе книги заключаетъ Сирскій переводъ Пешито, гдѣ книга эта имѣетъ надписаніе „Премудрость Премудростей".

Іудейская синагога и древняя христіанская Церковь согласны въ признаніи неизмѣримо высокаго достоинства книги Пѣснь Пѣсней. Таргумъ на книгу Пѣснь Пѣсней, сопоставляя содержаніе ея съ другими ветхозавѣтными пѣснями или гимнами (Моисея, Девворы, Анны и др.), признаетъ ея превосходство предъ всѣми ими и сближаетъ ее съ пѣснію грядущаго Мессіанскаго времени (по Ис. XXX, 29). Мидрашъ на Пѣснь Пѣсней (I, 10—11, русск. ст. 9—10) говоритъ: „подъ „нитью жемчуговъ" надо разумѣть Законъ, пять книгъ Моисея; подъ „шнуромъ драгоцѣнныхъ камней"—Пророковъ; подъ „золотыми подвѣсками" — агіографы; подъ „серебряными подвѣсками (крапинками")—саму Пѣснь Пѣсней". Въ 3-й книгѣ Ездры V, 24. VII, 26, очевидно, въ виду Пѣсни Пѣсней, Богоизбранный народъ называется „невѣстою" и „лиліею". Въ Христіанской Церкви этотъ возвышенный взглядъ еврейской синагоги на книгу Пѣснь Пѣсней впервые ясно выраженъ Оригеномъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ расширилъ и углубилъ еврейское толкованіе, придавъ ему христіанскій смыслъ. Какъ любитель таинственнаго, Оригенъ съ особенною любовью остановился на томъ широкомъ поприщѣ таинственнаго, какое представляла Пѣснь Пѣсней, и написалъ на нее десять книгъ толкованій, содержавшихъ, по счету блаж. Іеронима, до двадцати тысячъ строкъ и настолько возвышенныхъ и глубокихъ по содержанію, что въ нихъ Оригенъ, по выраженію бл. Іеронима, превзошелъ самого себя. Но сохранились до насъ лишь два другіе трактата Оригена на Пѣснь Пѣсней, переведенные блаж. Іеронимомъ на латинскій языкъ и, по его замѣчанію, болѣе удобопонятные для питающихся еще млекомъ младенцевъ (Русскій перев. Творен. блаж. Іеронима, часть 6, изд. 2-е, 1906 г. Кіевъ, стр. 136 - 174). Возвышенный взглядъ Оригена на книгу Пѣснь Пѣсней выраженъ имъ въ самомъ началѣ перваго изъ этихъ трактатовъ. „Какъ мы,—говоритъ онъ здѣсь,—узнали чрезъ Моисея, что есть не только Святое, но и Святое Святыхъ, и что есть не только суббота, но и суббота субботъ; такъ нынѣ мы узнаемъ чрезъ Соломона, что существуютъ не только пѣсни, но и *Пѣснь Пѣсней*. Блаженъ, конечно, тотъ, кто входитъ во святое, но еще блаженнѣе тотъ, кто входитъ во Святое Святыхъ. Блаженъ празднующій субботу, но еще блаженнѣе празднующій субботу субботъ. Блаженъ, подобнымъ образомъ, и тотъ, кто понимаетъ и поетъ пѣсни, но гораздо блаженнѣе тотъ, кто поетъ Пѣснь Пѣсней.

И какъ входящій во святое нуждается еще во многомъ, чтобы быть достойнымъ войти во Святое Святыхъ, и какъ празднующій субботу, которая отъ Господа установлена для народа, имѣетъ нужду еще во многомъ, чтобы праздновать субботу субботъ; подобнымъ образомъ съ трудомъ обрѣтается такой, кто, прошедши всѣ пѣсни, содержащіяся въ Писаніи, былъ бы въ состояніи возвыситься до Пѣсни Пѣсней" (стр. 138). Вмѣстѣ съ Іудейскою синагогою Оригенъ устанавливаетъ аллегорическое пониманіе книги, говоря, напр.: „Если бы это (о лобзаніяхъ I, 1) не имѣло духовнаго смысла, то не было ли бы пустымъ разсказомъ? Если бы не имѣло въ себѣ чего-либо таинственнаго, то не было ли бы недостойно Бога?" (стр. 141—142"). Однако, принимая отъ синагоги, частнѣе отъ таргума общую мысль аллегорическаго пониманія книги Пѣснь Пѣсней, Оригенъ измѣняетъ эту мысль настолько, насколько рѣчь іудея должна была измѣниться въ устахъ христіанина, именно на мѣсто неопредѣленнаго таргумическаго Мессіи онъ поставляетъ Господа Іисуса Христа, вмѣсто Израиля—общество христіанъ или Церковь, иначе христіанскую душу: такъ, при объясненіи I гл. 1 ст. Оригенъ замѣчаетъ, что подъ упомянутымъ здѣсь лобзаніемъ недостаточно разумѣть вѣщанія Моисея и пророковъ, какъ объясняетъ таргумъ, а нужно искать лобзаній Христовыхъ (ср. также его объясненіе ст. 2). Общая мысль толкованія Оригена усвоена была и всѣми извѣстными отцами и учителями Церкви—свв. Григоріемъ Нисскимъ, Кирилломъ Іерусалимскимъ, Епифаніемъ Кипрскимъ, Макаріемъ Египетскимъ, Аѳанасіемъ Александрійскимъ, блаж. Ѳеодоритомъ и др. Въ раскрытіи этого толкованія нѣкоторые учители церковные высказали свои особыя мнѣнія. Такъ, блаженный Августинъ, согласно съ іудейскою синагогою, видѣлъ въ содержаніи Пѣсни Пѣсней, аллегорическое изображеніе исторіи древнихъ евреевъ („О градѣ Божіемъ" кн. XVII, 8, 13, 20, Русск. перев. Твор. бл. Август. ч. 5-я, изд. 2-е, 1907 г. Кіевъ).

Св. Амвросій Медіоланскій, напротивъ, далъ совершенно независимое отъ преданій синагоги христіанское аллегорическое толкованіе Пѣсни Пѣсней: по его мнѣнію (въ его Sermo de virginitate perpetua S. Mariae), Суламита Пѣсни Пѣсней есть аллегорическій образъ Богоматери. Взглядъ этотъ многократно выражаетъ католическая Церковь въ своихъ богослужебныхъ чинахъ: употребляя Пѣснь Пѣсней при богослуженіи, она обычно пріурочиваетъ чтенія изъ нея къ Богородичнымъ праздникамъ (напр. въ Рождество Богородицы, Благовѣщеніе и Успеніе читается первая глава Пѣсни Пѣсней). Въ богослуженіи Православной церкви чтенія изъ книги Пѣснь Пѣсней не употребляются, но въ канонахъ и вообще въ службахъ въ честь Богоматери Ей весьма нерѣдко усвояются выраженія изъ этой книги („запечатлѣнный источникъ", „заключенный вертоградъ", „вся добра еси и порока нѣсть въ тебѣ" и др.). Но общимъ и опредѣленно-выраженнымъ православно-церковнымъ толкованіемъ книги Пѣснь Пѣсней является изъясненіе отношеній Возлюбленнаго или Жениха и Возлюбленной или Невѣсты

книги въ смыслѣ благодатнаго таинства союза Христа Бога и человѣчества--церкви, причемъ, по церковному разумѣнію, Пѣснь Пѣсней есть наивысшее изъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи, даже какъ бы не пророчество, а историческое изображеніе Христа воплотившагося, вочеловѣчившагося и совершающаго дѣло спасенія человѣчества. Въ „Синопсисѣ“ или Обозрѣніи священныхъ книгъ св. Аѳанасія Великаго о книгѣ Пѣснь Пѣсней читаемъ: „Все въ ней отъ начала до конца написано таинственно, съ загадочнымъ иносказаніемъ, и смыслъ догматовъ, въ ней заключающихся, содержится не въ буквѣ, но глубоко скрытъ подъ нею... Посему читать сію книгу могутъ только разумные; но должны и они, читая ее, всегда имѣть въ мысли иносказаніе, дабы невѣжествомъ неученыхъ не подверглось посмѣянію то, что въ ней излагается. *Пѣснію Пѣсней* называется она потому, что слѣдуетъ послѣ другихъ пѣсней, и что послѣ сей пѣсни нельзя ожидать другой пѣсни... Все Божественное Писаніе пророчествуетъ о сошествіи къ намъ Слова и явленіи Его въ плоти. Это составляетъ особый предметъ воли Божіей, и предвозвѣщеніе о томъ было преимущественнымъ дѣломъ пророковъ и всего Божественнаго Писанія... Всѣ сіи пророчества суть пѣсни, а *Пѣснь Пѣсней* какъ-бы уже не пророчествуетъ или предсказываетъ, но показываетъ Того, о Которомъ другіе предвозвѣщали, какъ-бы уже пришедшимъ и принявшимъ плоть человѣческую. Посему Пѣснь Пѣсней воспѣваетъ какъ бы брачную пѣснь на бракосочетаніе Слова съ Плотію. И другія Писанія хотя говорятъ также о Спасителѣ, но между прочимъ возвѣщаютъ и нѣчто другое, а сія книга воспѣваетъ одинъ союзъ Слова съ плотію. Въ другихъ Писаніяхъ, какъ содержащихъ нѣчто другое, кромѣ ученія о Словѣ, находятся выраженія гнѣва, ярости и прещенія страхомъ, а сія книга, какъ воспѣвающая одно только пришествіе Слова, вѣщаетъ только о пріятности, радости и веселіи, ибо, въ присутствіи жениха, должно всѣмъ радоваться и никому не прилично плакать, какъ Самъ Господь сказалъ (Матѳ. IX, 15). Посему, какъ послѣ домостроительства, совершеннаго Спасителемъ, мы уже не ожидаемъ пророка, такъ и послѣ того, что обозначено въ Пѣсни Пѣсней, не должно ожидать другого чего нибудь, новѣйшее нѣчто знаменующее. Подобно тому какъ законъ и пророки престали послѣ того, какъ Іоаннъ Креститель указалъ Агнца Божія, такъ и воспѣтое въ Пѣсни Пѣсней есть конецъ всего того, что возвѣщается во всемъ Божественномъ Писаніи... Какъ въ законѣ было святое, и за святымъ—Святое Святыхъ, а за Святымъ Святыхъ уже не было внутреннѣйшаго мѣста, такъ послѣ пѣсней еще есть Пѣснь Пѣсней, а послѣ Пѣсни Пѣсней уже не должно ожидать внутреннѣйшаго и новѣйшаго обѣтованія; ибо Слово однажды сдѣлалось плотію и совершило дѣло“... (Христ. Чтен. 1841, ч. 4, стр. 370—374).

Такимъ образомъ общимъ воззрѣніемъ древней и послѣдующей, христіанской церкви на книгу Пѣснь Пѣсней является признаніе въ ней аллегоріи или иносказанія съ высшимъ религіознымъ смысломъ

подобно тому какъ и древнеіудейская синагога видѣла въ Пѣсни Пѣсней именно аллегорію, притчу—*машал*. Аллегорическое пониманіе Пѣсни Пѣсней являлось для древнихъ, іудейскихъ и христіанскихъ толкователей ея и остается доселѣ и всегда, вполнѣ естественнымъ и даже неизбѣжнымъ въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ и соображеній. Уже указанный смыслъ надписанія книги, въ которомъ послѣдняя признается превосходящею достоинствомъ другія священныя книги, самъ собою говорилъ и всегда внушаетъ толкователямъ и читателямъ Пѣсни Пѣсней, что составитель надписанія—лицо, вѣроятно, отличное отъ священнаго писателя книги (какъ показываетъ уже употребленная въ надписаніи форма относительнаго мѣстоименія—*ашер*, тогда какъ въ самой книгѣ встрѣчается лишь сокращеннная форма этого мѣстоименія—ש), — придавалъ высшій смыслъ содержанію книги и отнюдь не могъ видѣть въ ней—по буквальному смыслу—простое описаніе житейской половой любви; иначе могъ ли бы онъ, какъ и всякій вообще истинный израильтянинъ, свѣтское произведеніе поставить выше многихъ Божественныхъ псалмовъ, пѣсней Моисея, Маріами, Девворы и Боговдохновенныхъ рѣчей пророковъ, которыя всѣ называются просто пѣснями? Затѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что своимъ принятіемъ въ канонъ Священныхъ книгъ Пѣснь Пѣсней обязана тому высшему религіозному смыслу ея содержанія, который дается только аллегорическимъ ея толкованіемъ. Вопреки ложному понятію библейскаго раціонализма о канонѣ, какъ простомъ собраніи древней національной еврейской литературы, составители ветхозавѣтнаго канона для принятія въ него книги ставили два необходимыхъ условія: религіозное содержаніе и святость, основывающуюся на Божественномъ вдохновеніи. Этимъ двумъ условіямъ Пѣснь Пѣсней, благодаря своему высшему смыслу, удовлетворяла въ полной мѣрѣ, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста Мишны (тр. Ядаимъ, гл. III, §§ 4—5), гдѣ идетъ рѣчь о правильности канонизаціи двухъ книгъ—Екклезіаста и Пѣсни Пѣсней: „Сказалъ р. Акиба: избави Боже! никто никогда въ Израилѣ не спорилъ противъ того, что Пѣснь Пѣсней оскверняетъ руки [1]), ибо весь міръ не стоитъ того дня, въ который дана была Израилю Пѣснь Пѣсней, ибо всѣ книги—святое, а Пѣснь Пѣсней—Святое Святыхъ". Наконецъ, аллегорическое или иносказательное, небуквальное пониманіе Пѣсни Пѣсней являлось и являетея неизбѣжнымъ вообще при всякомъ цѣльномъ представленіи ея содержанія; въ послѣднемъ—при буквальномъ пониманіи—замѣчается цѣлый рядъ противорѣчій въ положеніи главныхъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Возлюбленный или Женихъ Пѣсни Пѣсней въ одно и то же время и пастухъ (I, 6. VI, 2), и виноградарь (V, 1) и вѣнчанный царь (I, 11. III, 11); и Возлюбленная или Невѣста является

[1]) По раввино-талмудической терминологіи терминъ „осквернять руки" въ отношеніи священныхъ Книгъ означалъ каноническое ихъ достоинство. О происхожденіи и значеніи этого страннаго термина можно читать у проф. *А. А. Олесницкаго* въ его „Пѣснь Пѣсней и ея новѣйшіе критики" Кіевъ 1882, стр. 14 и дал.

то пастушкою (I, 7) то стражемъ виноградника (I, 5), то царскою дочерью и царицею (VI, 7—8), равнымъ образомъ во взаимныхъ отношеніяхъ они являются то братомъ и сестрою (IV, 12), то женихомъ и невѣстою или мужемъ и женою (I, 14, II, 7); затѣмъ въ характерѣ и дѣйствіяхъ Возлюбленной замѣчается тоже много взаимнопротиворѣчивыхъ чертъ: она и несовершенна (I, 4) и совершенна (IV, 1); будучи близкою Возлюбленною своего мужа, она однако не знаетъ его мѣстопребыванія (I, 6) и ищетъ его ночью по темнымъ улицамъ города (III, 2—4), при участіи толпы Іерусалимскихъ женщинъ (V, 8—17), причемъ городскіе сторожа встрѣчаютъ ее, избиваютъ и раздѣваютъ (V, 7). Всѣ эти различія и противорѣчія, неустранимыя при буквальномъ пониманіи содержанія Пѣсни Пѣсней, сами собою отсылаютъ къ иному, высшему или иносказательному ея толкованію.

Правда, общій концертъ аллегорическихъ толкованій—и въ синагогѣ іудейской и уже въ древней христіанской церкви прерывался иногда диссонансомъ отдѣльныхъ голосовъ, пытавшихся понимать и изъяснять содержаніе Пѣсни Пѣсней въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ, но это были именно единичныя мнѣнія людей, такъ или иначе порвавшихъ связь съ общимъ преданіемъ—синагогальнымъ и христіанско-церковнымъ, и синагога и церковь встрѣчали ихъ полнымъ осужденіемъ. Не упоминая разныхъ попытокъ этого рода въ іудействѣ (принадлежавшихъ большею частію анонимамъ), изъ христіанскихъ буквалистовъ назовемъ Ѳеодора епископа Мопсуетскаго (V в.), осужденнаго за буквальное толкованіе Пѣсни Пѣсней пятымъ вселенскимъ соборомъ. При буквальномъ пониманіи, Суламиту книги Пѣснь Пѣсней отожествляли или съ Ависагою Сунамитянкой (3 Цар. I, 1—4. II, 17—22) или съ дочерью Фараона, женою Соломона (3 Цар. III, 1), или же съ какой-либо другой невѣстой или наложницею Соломона. Въ новое время многочисленными сторонниками буквальнаго пониманія книги среди нѣмецкихъ библіологовъ, особенно извѣстнымъ библеистомъ Евальдомъ, развита была новая теорія, по которой въ Пѣсни Пѣсней воспѣвается непоколебимость чистой пламенной любви и торжество ея противъ всѣхъ обольщеній почести и богатства; предметъ любви Суламитянки здѣсь не Соломонъ, а простой пастухъ, ея соотечественникъ, съ которымъ она временно была разлучена, взятая во дворецъ Соломона, но здѣсь она, не смотря на всѣ ласки и обѣщанія, осталась вѣрною своему возлюбленному и наконецъ была отпущенна къ нему и соединилась съ нимъ бракомъ. Что эта гипотеза не имѣетъ опоры въ текстѣ П. П. (именно въ указываемыхъ ея сторонниками мѣстахъ: I, 3. 11. VI, 11—12. VIII, 10) и вообще безпочвенна, это ясно. Средину между аллегорическимъ и буквальнымъ толкованіями занимаетъ толкованіе типическое, развитое отчасти Гуго Гроціемъ и Боссюэтомъ, а главнымъ образомъ Гофманомъ и Деличемъ и у насъ Коссовичемъ, по которому, изображаемая въ Пѣсни Пѣсней любовь есть дѣйствительный фактъ изъ исторіи Соломона, но изображеніе этой любви не имѣетъ цѣли само въ себѣ, а

служитъ образомъ высшей духовной любви и отношеній человѣка къ Богу. При такомъ пониманіи, по мнѣнію Делича, Пѣснь Пѣсней является высоко-цѣннымъ священнымъ произведеніемъ въ трехъ отношеніяхъ: 1) въ религіозно-нравственномъ, какъ изображеніе высокой идеи брака, 2) въ церковно-историческомъ—какъ изображеніе судьбы еврейскаго народа и церкви во время Соломона и 3) наконецъ въ прообразовательномъ, поскольку въ бракѣ прообразуетъ союзъ Христа съ церковью. Вызванное стремленіемъ примирить крайности двухъ первыхъ толкованій, типическое пониманіе имѣетъ свое значеніе при изъясненіи таинственной книги Пѣснь Пѣсней. Но полное проникновеніе въ содержаніе и первоначальное значеніе ея по идеѣ священнаго ея писателя составляетъ трудность едва ли преодолимую. Взглядъ на это іудейской синагоги хорошо выразилъ іудейскій комментаторъ X вѣка Саадія: „знай, братъ мой, что есть различныя объясненія этой книги, и это не могло быть иначе, потому что Пѣснь Пѣсней подобна замку, отъ котораго ключъ потерянъ; одни утверждаютъ, что она относится къ царству израильскому, другіе къ закону, третьи—ко временамъ плѣна, четвертые—къ Мессіи". Потому-то, по свидѣтельству Оригена и Іеронима, у евреевъ запрещено было читать эту книгу (равно какъ начало книги Бытія и начало и конецъ книги пророка Іезекіиля) ранѣе тридцатилѣтняго возраста. Что подобная же предосторожность обязательна и въ Христіанской Церкви, мы видѣли изъ словъ Св. Аѳанасія Великаго.

Впрочемъ, предпочитая аллегорическій способъ изъясненія книги Пѣснь Пѣсней, какъ принятый св. церковью, всякому другому, мы однако должны избѣгать тѣхъ крайностей безпочвеннаго и отрѣшеннаго отъ дѣйствительнаго содержанія книги аллегоризма, присутствіе котораго весьма очевидно въ трудахъ многихъ ортодоксальныхъ нѣмецкихъ библеистовъ (Гана, Генгстенберга, Шефера и др.). Аллегорія должна быть лишь принципомъ изъясненія книги, отнюдь не вытѣсняя даннаго въ книгѣ содержанія, а лишь регулируя обозрѣніе послѣдняго и освѣщая его высшимъ свѣтомъ. Непремѣнный долгъ толкователя при этомъ состоитъ въ томъ, чтобы возможно точно устанавливать тѣ посредствующія представленія, которыми буквальное содержаніе книги связывается съ высшими идеями аллегоріи, которая во всякомъ случаѣ должна опираться на данныя содержанія самой книги, а не заимствовать свой матеріалъ независимо отъ книги, извнѣ ея. Такое значеніе и такое примѣненіе аллегорическаго принципа въ изъясненіи книги Пѣснь Пѣсней, повидимому, намѣчается въ „Синопсисѣ" св. Аѳанасія. „Вся сія книга, говоритъ онъ, наполнена разговорами ветхозавѣтной Церкви со Словомъ, всего рода человѣческаго съ Словомъ, и церкви изъ язычниковъ съ Нимъ же, и опять—Слова съ нею и съ родомъ человѣческимъ. Потомъ разговоръ язычниковъ съ Іерусалимомъ и Іерусалима—о церкви языческой и о самомъ себѣ. Далѣе, возваніе служащихъ ангеловъ къ призваннымъ въ вѣру людямъ... Приспособляясь къ таковымъ разговорамъ въ Пѣсни Пѣсней, можетъ

каждый, разсматривая самую книгу, сочетавать по смыслу сходныя между собою происшествія“ (Хр. Чтен. 1841 г., ч. 4, стр. 379—380)“.

Что касается теперь внѣшней, такъ сказать, литературной формы книги Пѣснь Пѣсней и ея строенія или композиціи, то и въ этомъ отношеніи она занимаетъ особенное, исключительное положеніе среди другихъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ. Въ ней совершенно отсутствуетъ повѣствовательный элементъ, священный писатель книги не высказываетъ отъ своего лица ни одной мысли, ни одного пояснительнаго замѣчанія; вся книга отъ перваго стиха до послѣдняго представляетъ рядъ душевныхъ изліяній и вообще рѣчей дѣйствующихъ въ ея содержаніи лицъ, тогда какъ въ близкой къ ней въ этомъ отношеніи книгѣ Іова историческій или повѣствовательный элементъ не только имѣетъ мѣсто въ двухъ первыхъ и въ послѣдней главахъ книги, но также не разъ выступаетъ и въ срединѣ книги, порою прерывая теченіе рѣчей. Такая особенность книги Пѣснь Пѣсней не могла не обратить вниманіе толкователей ея. И уже Оригенъ оцѣнилъ, хотя едва-ли точно, значеніе этого обстоятельства. По характеру содержанія книги Оригенъ называетъ ее „брачною пѣснію“, epithalamium, и при томъ такою „брачною пѣснію, по образцу которой и язычники составили себѣ свадебную пѣснь и изъ которой содержаніе для этой пѣсни ими взято. Ибо Пѣснь Пѣсней есть брачная пѣснь“ (стр. 140); по формѣ же литературнаго изложенія Оригенъ называетъ П. П. драмою, fabula, drama. „Изъ какого числа лицъ, говоритъ Оригенъ, состоитъ общество, описываемое въ Пѣсни Пѣсней, мнѣ неизвѣстно. Но по молитвѣ вашей и откровенію Господню, я, кажется, различаю между ними четыре рода лицъ: жениха и невѣсту, съ невѣстой общество дѣвицъ—подругъ, съ женихомъ общество товарищей. Одно говорится невѣстою, другое—женихомъ, нѣчто—дѣвицами, нѣчто товарищами жениха. Ибо естественно, что на бракахъ присутствуютъ съ невѣстою общество дѣвицъ, а съ женихомъ толпа товарищей. Все это ищи не вовнѣ, не внѣ тѣхъ, которые спасены чрезъ проповѣдь евангельскую. Подъ женихомъ разумѣй Христа, подъ невѣстою безъ пятна и порока — Церковь—по Ефес. V, 27. Въ душахъ вѣрующихъ дѣвицахъ, сопровождающихъ невѣсту,—уразумѣй тѣхъ, кои, хотя и вѣрны Христу, однакожъ не таковы, какъ тѣ, о коихъ было сказано выше, и представляются въ нѣкоторой только мѣрѣ получившими спасеніе, а подъ мужами, сопутствующими жениху, разумѣй ангеловъ и тѣхъ, кои достигли въ мужа *совершенна*“ (стр. 140). Признавая Пѣснь Пѣсней драмой и указывая въ ней четыре названныя группы дѣйствующихъ лицъ, Оригенъ въ своемъ комментаріи дѣлитъ книгу на отдѣлы—какъ бы акты или дѣйствія и при объясненіи всегда указываетъ, какому дѣйствующему лицу принадлежатъ тѣ или другія слова. Въ своемъ воззрѣніи, что Пѣснь Пѣсней написана in modum dramatis, Оригенъ въ христіанской древности не былъ одинокъ: его точку зрѣнія на этотъ предметъ раздѣляли не только другіе учители Александрійской учительной школы, но она проведена даже въ Синай-

скомъ спискѣ перевода LXX, гдѣ имѣются раздѣленія книги Пѣснь Пѣсней на четыре акта, равно какъ и надписанія надъ меньшими отдѣлами съ указаніемъ, кому принадлежитъ та или другая рѣчь (подобныя дѣленія и надписанія сохранились и въ эѳіопскомъ переводѣ П. П., сдѣланномъ съ текста LXX). Однако всѣ эти древніе учители церковные не имѣли той мысли, будто Пѣснь Пѣсней написана для сцены или даже дѣйствительно когда-либо ставилась на ней. Между тѣмъ въ новое время (въ XIX вѣкѣ) цѣлый рядъ западныхъ ученыхъ въ своихъ трудахъ о Пѣсни Пѣсней развивали именно эту мысль объ ея сценическомъ назначеніи и о фактической постановкѣ на театральныхъ подмосткахъ (Евальдъ, Фюрстъ, Нёльдеке, Беттхеръ, Ренанъ, Кемпфъ и др.). Но въ дѣйствительности библейскіе евреи, какъ и семиты вообще, вовсе не имѣли ни драмы, ни театра, напротивъ, всегда чувствовали къ первой и послѣднему органическое отвращеніе. И ни одному библейскому критику - стороннику теоріи драмы не удалось доказать присутствіе въ Пѣсни Пѣсней всѣхъ драматическихъ элементовъ: драматически выдержаннаго діалога, дѣйствія, мѣста сцены, однообразнаго дѣленія пьесы на акты и явленія, раздѣленія ролей. Упомянутыя же древнія раздѣленія—у Оригена, въ синайскомъ кодексѣ и въ эѳіопскомъ переводѣ, безъ сомнѣнія, не имѣли ничего общаго съ якобы сценическимъ назначеніемъ книги, а указывали вѣроятно, на гомилетическое или экзегетическое употребленіе книги (отдѣлы на подобіе нашихъ церковныхъ зачалъ).

Но если въ книгѣ Пѣснь Пѣсней нѣтъ настоящаго драматическаго дѣйствія, то есть въ ней полное и живое, органическое единство основной идеи, развивающейся на всемъ ея протяженіи: защитить это единство книги думали, между прочимъ, сторонники теоріи драмы противъ сторонниковъ фрагментальной теоріи, по которой П. П. представляетъ рядъ безсвязныхъ отрывковъ или фрагментовъ пѣсеннаго характера. Единство и цѣльность книги безспорно доказывается слѣдующими данными: 1) Единствомъ дѣйствующихъ въ пѣсни лицъ: не только главныя лица—Женихъ и Невѣста, Соломонъ и Суламита, но и второстепенныя лица, дочери Іерусалима, являются во всѣхъ частяхъ книги съ одними и тѣми же характерами, стремленіями и задачами и въ одинаковой обстановкѣ. Напр. имя Соломона или „царя“ (т. е. тоже Соломона) проходитъ чрезъ всю книгу (I, 3. 4. 11. III, 7. 9. 11, VIII, 11. 12); равнымъ образомъ—„дщери Іерусалимскія“ (I, 4. II, 7. III, 5—V, 8. 16. VIII, 4); упоминается не однократно о матери Суламиты, но не объ отцѣ ея (I, 5. III, 4. VIII, 2). 2) Единствомъ литературныхъ пріемовъ писателя во всѣхъ частяхъ книги. Свящ. писатель разъ выработалъ свои особенныя выраженія и разсѣялъ ихъ по всѣмъ частямъ книги; многія выраженія не разъ повторяются въ разныхъ отдѣлахъ съ буквальною почти точностью. Таковы, напр., эпитеты: „прекраснѣйшая изъ женщинъ“,—„тотъ, кого любитъ душа моя“; или—три раза повторяемое заклятіе къ Іерусалимскимъ женщинамъ не будить любовь (II, 7. III, 5. VIII, 3), или—троекратный

вопросъ: „кто эта“... (III, 6. VI, 10. VIII, 5) и др. 3) Наконецъ, особенно -единствомъ и постепенностію развитія основного содержанія книги и частныхъ ея подробностей. Чувство любви Невѣсты къ Жениху въ началѣ является какъ бы въ зародышѣ, неувѣреннымъ и неопредѣленнымъ (I, 1—3. 6—7), а въ концѣ становится крѣпкою, какъ смерть, настоящимъ божественнымъ пламенемъ, которое ничто не можетъ потушить (VIII, 6—8); и сама Невѣста, прежде несовершенная (I, 4), теперь достигаетъ полноты и совершенства (VIII, 10). Можно наблюдать въ пѣсни смѣну временъ года: зимы, весны (II, 11—13), лѣта (IV, 11. VI, 11) и осени (VII, 8—9).

Если къ сказанному о внутреннемъ единствѣ книги Пѣснь Пѣсней присоединить, что и въ языкѣ ея наблюдается такое же единство въ словоупотребленіи въ разныхъ ея частяхъ, то отпадаетъ всякое основаніе къ дробленію книги на какія-либо, тѣмъ болѣе разновременнаго происхожденія, перикопы или фрагменты. Съ тѣмъ вмѣстѣ теряетъ всякій смыслъ отрицаніе происхожденія книги отъ Соломона, такъ распространенное на западѣ. (По мнѣнію, напр. Кенига, о происхожденіи книги отъ Соломона не можетъ быть рѣчи въ виду того, что будто бы языкъ и идейное содержаніе книги указываютъ на начало послѣплѣннаго періода [1]), Православная наука, напротивъ, не имѣетъ никакого побужденія отступать въ этомъ вопросѣ отъ свидѣтельства преданія, согласно которому писателемъ книги былъ именно мудрый царь Соломонъ. Преданіе это выразилось уже въ самомъ надписаніи книги, а также въ свидѣтельствѣ Талмуда (тр. *Baba batra*, fol. 14, b.), что книга Пѣснь Пѣсней была написана Соломономъ, но собрана и издана царемъ Езекіею. Въ качествѣ Соломонова священнаго произведенія въ еврейскихъ синагогахъ издревле и доселѣ книга Пѣснь Пѣсней читается въ восьмой день еврейскаго праздника Пасхи. Традиція іудейская расходилась лишь въ рѣшеніи вопроса, когда, въ какомъ возрастѣ

[1]) *Ed. König* Einleitung in das Alte Téstament mit Einschluss der Apocryphen und der Pseudepigraphen Alten Téstaments. Bonn 1893, s. 422 ff. Иначе и ближе къ истинѣ судитъ о времени происхожденія книги Пѣснь Пѣсней другой нѣмецкій ученый. Густавъ Карпелесъ. Сопоставляя „Пѣснь Пѣсней“ съ извѣстною похвалой добродѣтельной женѣ въ книгѣ Притчей гл. XXXI, Г. Карпелесъ говоритъ: „Нельзя предположить, что этотъ гимнъ въ хвалу добродѣтельной жены, и „*Пѣснь Пѣсней*“, могли возникнуть въ одно и то же время. Въ гимнѣ какъ и во всѣхъ сентенціяхъ „Книги Притчей“ касательно женщинъ и любви преобладаетъ вполнѣ этическій характеръ, въ „Пѣсни Пѣсней“—эстетическій; въ первомъ—настроеніе преимущественно нравственное, во второй — глубоко чувственное. Внѣшнія и внутреннія причины заставляютъ насъ принять, что гимнъ былъ включенъ въ сборникъ притчей уже позже, когда господствовали болѣе зрѣлыя воззрѣнія на женщину и на ея значеніе, въ общественной жизни, составленіе же „Пѣсни Пѣсней“ послѣдовало вѣроятно непосредственно послѣ смерти Соломона, и написана она была въ сѣверной Палестинѣ“. *Г. Карпелесъ*. Исторія еврейской литературы. Русск. перев. подъ. ред. А. Я. Гаркави. Томъ I. СПБ. 1896, стр. 78. Но что вынуждаетъ изслѣдователя считать „Пѣснь Пѣсней“ написанною лишь „непосредственно послѣ *смерти Соломона*“, а не при жизни его и не имъ самимъ? Серьезныхъ основаній къ тому не существуетъ.

написалъ Соломонъ Пѣснь Пѣсней: по мидрашу, Соломонъ написалъ П. П. въ старческомъ возрастѣ, между тѣмъ преобладающимъ взглядомъ еврейской традиціи былъ тотъ, что „Пѣснь Пѣсней“ написана Соломономъ въ юности его, тогда какъ „Притчи“ — въ зрѣломъ его возрастѣ, а Екклезіастъ — въ старости. Послѣдній взглядъ предпочтительнѣе и преобладаетъ и въ христіанской церкви.

На русскомъ языкѣ относительно книги Пѣснь Пѣсней имѣются: 1) Переводъ книги съ еврейскаго текста—*архимандрита Макарія* (Глухарева) Христ. Чтен. 1871, I; 2) Переводъ ея съ греческаго LXX-ти—*Епископа Порфирія* (Успенскаго)—Труды Кіевской Духовной Академіи 1869 г., іюнь, стр. 103 — 118; 3) Изъясненіе П. П. III, 6 и IV, 16 — въ „Воскресн. Чтен.“ г. V (1841, 159—160) и г. VII (1843), стр. 64; 4) Профессора СПБ. Духовн. Академіи *И. С. Якимова*, „О происхожденіи книги Пѣснь Пѣсней“—Христ. Чтен. 1887 г., т. I, стр. 569 слѣд. и 5) Профессора Кіевской Духовной Академіи *А. А. Олесницкаго*, „Книга Пѣснь Пѣсней и ея новѣйшіе критики“—въ „Труд. Кіев. Дух. Акад“. 1881—1882 гг. и отдѣльно—Кіевъ 1882, стр. 387. Сочиненіе проф. А. А. Олесницкаго является капитальнѣйшимъ ученымъ произведеніемъ о книгѣ Пѣснь Пѣсней, не только стоящимъ на одномъ уровнѣ съ лучшими произведеніями западной ученой библіологической литературы, но и далеко превосходящимъ многія изъ нихъ. Въ этомъ сочиненіи авторъ не только очень обстоятельно изложилъ данныя преданія о каноническомъ характерѣ и способахъ изъясненія книги Пѣснь Пѣсней въ іудейской синагогѣ и христіанской церкви, и установилъ затѣмъ соотношеніе важнѣйшихъ древнихъ текстовъ книги, особенно еврейскаго—масоретскаго и греческаго—LXX; не только далъ полнѣйшее обозрѣніе и критическій разборъ многочисленныхъ взглядовъ и теорій ученыхъ библеистовъ запада касательно Пѣсни Пѣсней, но и представилъ въ заключеніе собственный оригинальный и талантливѣйшій опытъ изъясненія этой книги — „новый способъ разгадки Пѣсни Пѣсней“ (стр. 338—387). Останавливаясь на тѣхъ мѣстахъ книги (IV, 1—5. VI, 4 — 7. VII, 2 — 6), въ которыхъ дано наиболѣе подробное описаніе Невѣсты, проф. Олесницкій находитъ здѣсь слѣдующія особенности: во-первыхъ, анатомическую подробность въ перечисленіи отдѣльныхъ частей фигуры (уста, нёбо, языкъ, ноги, бедра, пупъ); во-вторыхъ, широкое, исключительное употребленіе при описаніи членовъ тѣла невѣсты разныхъ штриховъ изъ картинъ природы, причемъ послѣднія рѣшительно заслоняютъ собою чисто человѣческія черты („глаза твои — голуби“, I, 14. „Зубы твои—какъ стадо выстриженныхъ овецъ, выходящихъ изъ купальни, изъ которыхъ у каждой пара ягнятъ, и безплодной нѣтъ между ними „IV, 2; „шея твоя — башня Давидова, построенная для оружій...“ IV, 4 и мн. др.). Отсюда, „такъ какъ въ Пѣсни Пѣсней спорятъ между собою чисто человѣческій образъ невѣсты и картины природы и такъ какъ въ этомъ спорѣ за первенство картины природы одерживаютъ верхъ по силѣ и полнотѣ изображенія, то

первый шагъ къ разгадкѣ книги долженъ состоять въ новомъ освѣщеніе ея, какое дается перенесеніемъ центра тяжести изъ мнимаго основанія книги или человѣческаго образа невѣсты къ просмотрѣнному изслѣдователями дѣйствительному основанію или описанію природы" (стр. 346). Возможность сравненія картинъ природы съ человѣческою фигурою невѣсты въ устахъ библейскаго поэта вполнѣ понятна. По особому поэтическому міросозерцанію древнихъ евреевъ земля, какъ мать и кормилица всего живущаго, представляется женскимъ началомъ; отсюда названіе земли *ерец* женскаго рода. Отдѣльныя же страны или государства называются ея дочерьми или дѣвами, невѣстами: дѣва дочь Египта Іер. 46, 11; дѣва дочь Сидона Ис. 23, 12, дѣва дочь Вавилона Ис. 47, 1; но особенно часто у библейскихъ писателей этотъ образъ прилагается къ землѣ обѣтованной: дѣва дочь Израилева, дѣва дочь Іуды, дѣва дочь народа Моего (Іеговы) Іер. 14, 17, Ис. 10, 32. 37, 22 Ам. 5, 2 и пр.. Такимъ образомъ, если Пѣснь Пѣсней посвящена описанію природы, то привнесеніе въ это описаніе человѣческаго образа дѣвы-евреянки будетъ вполнѣ понятно, гораздо болѣе въ духѣ древнееврейскаго міровоззрѣнія, чѣмъ обратное привнесеніе картинъ природы въ поэтическое изображеніе человѣческой (женской) красоты." (стр. 348) Группируя, затѣмъ, всѣ соединенные въ книгѣ П. П. штрихи и картины природы (флора, фауна, неорганическое царство, продукты народнаго продовольствія, смѣны явленій дня и ночи, временъ годъ и т. д.), а также штрихи, изображающіе мѣстную человѣческую культуру (сторожевыя и военныя башни, арсеналы, города съ ихъ разнообразными принадлежностями), проф. Олесницкій приходитъ къ заключенію, что свящ. писатель П. П. имѣлъ изобразить собственно Палестину, именно подобнымъ же образомъ изображаемую во Второзаконіи (VI, 10 — 11. VIII, 7–10. XI, 9–12) и у пророковъ. Соотвѣтственно съ этимъ и женихъ Пѣснь Пѣсней (по изображенію V, 10 — 16), долженъ принадлежать видимой природѣ, по крайней мѣрѣ, открываться въ явленіяхъ видимой природы. Но въ то время какъ картины и штрихи, изображающіе невѣсту, вполнѣ тяготѣютъ къ низменной земной природѣ, штрихи, собранные въ образъ жениха, хотя соприкасаются съ землею, но сами принадлежатъ высшей эѳирной области свѣта... По мѣрѣ того какъ мы всматриваемся въ эти залитыя свѣтомъ картины, человѣческій образъ жениха все болѣе тускнѣетъ и наконецъ превращается въ свѣтозарный образъ *солнца* (стр. 358). Какъ именно палестинская природа, невѣста П. П. стремится къ своему палестинскому солнцу (стр. 359). Но какъ невѣста есть не только палестинская земля, но и населяющій ее еврейскій народъ, такъ и женихъ есть не только благодѣтельная для земли физическая сила—солнце, но и сила политическая — царь, у пророка (Іер. XV, 9) поэтически называемый солнцемъ; частнѣе царь Соломонъ. Но высшею, благодѣявшею землѣ Палестинской и Израилю, силою была сила Божественная, которой были обязаны своимъ бытіемъ и дѣйствіемъ и физическая сила солнца и политическая—царя. Въ солнцѣ и

лазури возвышающійся надъ землею царь Соломонъ, какъ благодѣтельный геній страны, самъ собою вызывалъ въ мысли поэта образъ прославленнаго Мессіи, имѣющаго явиться въ облакахъ славы и завершить всѣ высшія премірныя благодѣянія народу“ (стр. 362).

Таково объясненіе проф. Олесницкаго, подсказанное ему, по словамъ его, евреемъ Тайяромъ и имъ самимъ лишь развитое. Какъ и всякая человѣческая теорія, оно не исключаетъ возраженій противъ себя, но, по нашему убѣжденію, оно основано на глубокомъ пониманіи восточнаго, частнѣе библейско-еврейскаго міросозерцанія, на глубокомъ проникновеніи въ духъ и смыслъ библейскихъ образовъ священныхъ писателей, и во всякомъ случаѣ, указываетъ надежный путь, по которому слѣдуетъ вести изслѣдованіе и изъясненіе книги Пѣснь Пѣсней.

Тою естественною почвою, на которой священный поэтъ и мудрецъ нарисовалъ несравненный по красотѣ и возвышенности образъ совершеннѣйшей пламенной любви человѣка и общества людей—Церкви къ Богу, является мощное чувство радости жизни, половая любовь и любовь къ природѣ. Едва ли не правъ Густавъ Карпелесъ, когда говоритъ о сюжетѣ книги Пѣснь Пѣсней: „Тамъ, среди бурь, проносившихся въ народной жизни, вылилась эта пѣснь изъ сердца, въ которое веселая обстановка кинула самые свѣтлые лучи свои и въ которомъ жила удивительная способность видѣть, какъ нельзя яснѣе, какъ блещутъ цвѣты, какъ финиковое дерево пускаетъ свои почки, какъ подымается вверхъ виноградная лоза и какъ раскрывается цвѣтъ гранатовыхъ деревьевъ... Ни Грецiя, ни весь остальной востокъ никогда не производили, да и не могли произвесть такую пѣснь любви. Если она такъ неизмѣримо возвышается надъ всѣми родственными ей созданіями, то это благодаря чудному гармоническому соединенію страстной чувственности и чистѣйшей нравственности, составляющему невидимое біеніе пульса всей пѣсни. Изобразить глубже и вѣрнѣе чисто-человѣческой любви невозможно... И рядомъ съ этими чарами любви на насъ дѣйствуютъ обаятельно въ этомъ стихотвореніи главнымъ образомъ идиллическія сцены изъ жизни на лонѣ природы: мы находимъ здѣсь такое очаровательное погруженіе во внѣшнюю, окружающую насъ, природу, какого не встрѣгимъ во всей эротической поэзіи. Поэтъ вводитъ насъ въ цвѣтущую роскошную природу“ („Исторія еврейской литературы“ т. I, стр. 78—79) Надо лишь помнить, что и любовь къ природѣ и исторіи родного народа, и половая любовь и эстетическое чувство красоты, и наслажденія радостями жизни и самое стремленіе къ мудрости у священнаго писателя книги „Пѣснь Пѣсней“, какъ истиннаго теократа и раба Іеговы завершались въ религіозномъ чувствѣ и благоговѣніи предъ Іеговою. Хотя имя Божіе въ этой книгѣ (какъ и въ книгѣ Есѳирь) по принятому еврейскому тексту, какъ и по древнимъ переводамъ книги, не встрѣчается, но религіозный духъ вѣетъ въ цѣломъ содержаніи книги и со всею очевидностью и силою выражается въ тѣхъ словахъ Невѣсты въ гл. VIII, ст. 6–7, которыя составляютъ главную, основную мысль всей

книги: „Положи меня какъ печать на сердце твое, какъ перстень, на руку твою, ибо крѣпка, какъ смерть, любовь, люта, какъ преисподняя, ревность; стрѣлы ея—стрѣлы огненныя; она пламень весьма сильный (по болѣе точному переводу архим. Макарія: она пламень *Божій*). Большія воды не могутъ потушить любви, и рѣки не зальютъ ея. Если бы кто давалъ все богатство дома своего за любовь, то онъ былъ бы отвергнутъ съ презрѣніемъ". Только священное пламя любви Божественной, освящающее своимъ небеснымъ прикосновеніемъ всякій видъ земной любви (ср. Іак. IV, 4—6), возвышаетъ „брачную пѣснь" книги Пѣснь Пѣсней на степень высокаго религіознаго гимна, а самую книгу дѣлаетъ безсмертнымъ созданіемъ вдохновеннаго духа человѣческаго подъ воздѣйствіемъ Духа Божія.

Изъ безчисленныхъ опытовъ раздѣленія содержанія нашей книги мы принимаемъ, какъ болѣе естественное, дѣленіе цѣлой картины всего содержанія книги на слѣдующіе отдѣлы или частныя картины. Отдѣлъ первый: гл. I—II, ст. 7. Отдѣлъ второй: II, 8—III, 5. 3) III, 6—V, 1. 4) V, 2—VI, 3. 5) VI, 4—VII, 6. 6) VII—VIII, 4. 7) VIII, 5—14.

Книга Пѣсни Пѣсней Соломона.

Глава 1-я.

1. Да лобзаетъ онъ меня лобза- | лучше вина.
ніемъ устъ своихъ! Ибо ласки твои |

I.

1—7. Невѣста, по имени Суламита (VII, 1), сначала въ монологѣ сама съ собою (ст. 1–3), а затѣмъ, въ обращеніи къ Іерусалимскимъ женщинамъ (ст. 4—7) выражаетъ свою пламенную любовь къ жениху и настойчивое исканіе его. 8—16. Только что явившійся Женихъ превозноситъ похвалами Невѣсту (ст. 8—10. 14) и въ свою очередь выслушиваетъ восторженныя похвалы себѣ съ ея стороны (ст. 11—13. 15—16):

1—3. Охваченная восторгомъ любви къ Жениху, отдавшись всѣмъ существомъ своимъ порыву и энтузіазму любви, Невѣста живетъ только мыслію о немъ, всѣми силами души стремится къ соединенію съ нимъ и невольно выражаетъ желаніе, чтобы Женихъ далъ ей осязательное проявленіе любви—лобзаніе: „да лобзаетъ онъ—говоритъ Невѣста о своемъ Возлюбленномъ, не называя даже его по имени, такъ какъ для любящаго ея сердца предметъ любви слишкомъ извѣстенъ,—меня лобзаніемъ устъ своихъ“! (ст. 1 а).

Половая человѣческая любовь есть взаимное притяженіе двухъ полярныхъ противоположностей. Но подобныя полярныя же противоположности существуютъ и вообще въ царствѣ природы, и въ жизни общественно-политической и въ религіозной; отсюда та страстная любовь и влеченіе къ Жениху, которое имѣетъ Невѣста—въ переносномъ или иносказательномъ смыслѣ можетъ означать: 1) стремленіе земли вообще и Палестинской природы въ частности къ солнцу, какъ источнику тепла, свѣта и жизни; 2) влеченіе страны напр. Палестины къ Царю, какъ нравственному солнцу страны; 3) наконецъ, и главнымъ образомъ, благодатно-таинственное стремленіе человѣчества или Церкви—ветхозавѣтной и новозавѣтной—къ соединенію съ Богомъ и Христомъ. Въ такомъ случаѣ указанное стремленіе Невѣсты къ соединенію съ Возлюбленнымъ будетъ означать пламенное желаніе членовъ Церкви ветхозавѣтной—пророковъ и вообще праведниковъ—лицезрѣть Самого Христа (сн. Мѳ. XIII, 18—19). Такъ именно объясняется смыслъ словъ: „да лобзаетъ онъ меня“ у Оригена—Іеронима: „Смыслъ этихъ словъ таковъ: доколѣ женихъ мой будетъ посылать мнѣ лобзанія чрезъ Моисея, доколѣ онъ будетъ давать мнѣ лобзанія чрезъ пророковъ? Я уже желаю коснуться его ссбственныхъ устъ: пусть онъ самъ придетъ, пусть самъ снидетъ ко мнѣ“ (стр. 140). Что мысль о церкви или обществѣ вѣрующихъ въ его отношеніи къ Богу и Мессіи была ясно сознана уже Давидомъ, видно изъ параллельнаго по содержанію Пѣсни Пѣсней псалма XLIV (евр. 45), предъизображающаго (особено во второй своей половинѣ, ст. 10—18) благодатно-

2. Отъ благовонія мастей твоихъ имя твое, какъ разлитое мvро, потому дѣвицы любятъ тебя.

таинственныя отношенія Христа и Церкви (см. „Толковую Псалтирь“ *Евѳимія Зигабена*, перев. съ греч. Изд. 3-е Кіевъ. 1907 г., стр. 347—363).

Ибо ласки твои лучше вина (16). Эти слова и весь ст. 2, какъ затѣмъ и ст. 3, представляютъ обоснованіе высказаннаго Невѣстою страстнаго желанія принять лобзанія отъ своего Возлюбленнаго. Но здѣсь существуетъ разница между еврейскимъ масоретскимъ текстомъ съ одной стороны и греческимъ, Вульгатою, слав. и русск. съ другой. Евр. додеха—ласки твои—въ обращеніи къ мужчинѣ,—какъ требуетъ того и послѣдовательность рѣчи. Однако чтеніе *дод* ласка, вѣроятнѣе всего, представляетъ уже намѣренную, тенденціозную корректуру первоначальнаго *дад* женскія груди, дѣвственные сосцы (ср. Іез. XXIII, 3. 8. Притч. V, 19), какъ и стоитъ въ текстѣ LXX: μαστοί σου, въ Вульгатѣ: ubera tua, славянск.: сосца твоя. Предъ книжниками еврейскими здѣсь стояла трудность едва преодолимая. Сообразно съ общимъ взглядомъ еврейской синагоги на Пѣснь Пѣсней, какъ на изображеніе любви Бога къ общинѣ Израилевой, они должны были видѣть здѣсь обращеніе къ мужчинѣ (Богу), но этому противостояла кажущаяся неумѣстность въ такомъ сочетаніи слова *дад*; поэтому или измѣняли конкретное *дад* въ обстрактное *дод*, или же суффиксъ муж. р. (*ха*) измѣняли въ суффиксъ ж. р. (*х*), читая *дадайх*. Объ этомъ сохранилось прямое свидѣтельство Мишны (тр. *Абода Зара*, гл. II, § 5).

Но съ точки зрѣнія болѣе широкаго символико-аллегорическаго пониманія идеи книги Пѣснь Пѣсней вполнѣ пріемлемо и принимаемое у LXX, въ Вульгатѣ и славянск. конкретное значеніе, какъ символъ нѣжности любви и обилія благъ, подаваемыхъ Возлюбленнымъ. Сравненіе любви съ виномъ указываетъ на полноту всяческой радости и веселія (ср. пс. CIII, 15).

„Отъ благовонія мастей твоихъ (архим. Макар.: масти твои пріятны для обонянія) имя твое, какъ разлитое миро“... (2 а). Слав.: воня мира твоего паче всѣхъ ароматъ, миро изліянное имя твое. Масти или миро, евр. *шемен*, елей—также символъ радости, (Притч: XXI, 17) но чаще радости высшей, подаваемой благодатію (ср. пс. XLIV, 8—9. Ис. LXI, 3). „Помазаніе елея есть напитіе Святаго Духа. Ибо радостворенъ Святый Духъ“ (Евѳим. Зигабенъ, стр. 354). Толкователей затрудняетъ пониманіе еврейскаго *турак*, передаваемаго у LXX: ’εκκενωθέν, Vulg. effusum, слав. изліянное, русск. разлитое (миро). Не лишено вѣроятія мнѣніе (Раабе, проф. Олесницкаго), по которому корень этого слова надо искать въ санскритскомъ taraka—звѣзда, такъ что имя Возлюбленнаго будетъ совмѣщать въ себѣ все лучшее, что только есть въ мірѣ звѣздъ. „Многіе—читаемъ мы у Оригена—Іеронима,—имѣли ароматы. Царица южная поднесла ароматы Соломону, и многіе другіе обладали ароматами; но какіе бы кто ни имѣлъ ароматы, они не могутъ сравниться съ благовоніями Христа, о которыхъ невѣста нынѣ говоритъ: *благовоніе мастей твоихъ лучше всѣхъ ароматовъ*. Я думаю, что и Моисей, и Ааронъ, и каждый изъ пророковъ имѣли ароматы. Но если я увижу Христа и почувствую пріятность и благовоніе мастей Его, то тотчасъ выскажу свое мнѣніе словами: *благовоніе мастей твоихъ выше всѣхъ ароматовъ*. Слова: *миро изліянное имя твое*—пророчественная тайна... Какъ миро чрезъ свое изліяніе далеко и широко распространяетъ благоуханіе: такъ распространено и имя Христово. По всей землѣ прославляется Христосъ, во всемъ мірѣ проповѣдуется Господь. Ибо миро изліянное имя Его. Теперь вѣдомо имя Моисея, извѣстность котораго прежде ограничивалась только тѣсными предѣлами Іудеи... Но какъ скоро Іисусъ возсіялъ въ мірѣ, Онъ вмѣстѣ съ собою вывелъ изъ неизвѣстности законъ и пророковъ, воистину исполнилось слово: *миро изліянное имя твое*“ (стр. 144 — 145). Сравненіе добраго имени съ благоухающимъ елеемъ и миромъ встрѣчается, вѣроятно, не безъ вліянія книги Пѣснь Пѣсней, еще въ Еккл. VII, 1. Ос. XIV, 7. 8. Сир. XLIX, 1 (не безъ значенія здѣсь была аллитерація словъ *шем* имя и *шемен*, масло, елей). Заключительныя слова ст. 2: „поэтому дѣвицы любятъ тебя“ частію выражаютъ выводъ изъ ранѣе сказаннаго о совершенствахъ Жениха, частію образуютъ переходъ отъ монолога Невѣсты къ словамъ

Академии Наук СССР

3. Влеки меня, мы побѣжимъ за тобою;—царь ввелъ меня въ чертоги свои,—будемъ восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино; достойно любятъ тебя!

Дщери Іерусалимскія! черна я, но красива, какъ шатры Кидарскіе, какъ завѣсы Соломоновы.

5. Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня: сыновья матери моей разгнѣвались на меня, поставили меня стеречь виноградники,—моего собственнаго виноградника я не стерегла.

6. Скажи мнѣ, ты, котораго любитъ душа моя: гдѣ пасешь ты? гдѣ отдыхаешь въ полдень? къ чему мнѣ быть скиталицею возлѣ стадъ товарищей твоихъ?

хора Іерусалимскихъ женщинъ—вѣроятно, придворныхъ Соломона (ср. ст. 4). Стихъ 3-й, составляющій развитіе и обоснованіе мысли конца ст. 2 представляетъ параллелизмъ послѣднему: страстное стремленіе Невѣсты къ Жениху выражается не только въ жаждѣ его поцѣлуевъ (ст. 1), но и въ дѣятельномъ стремленіи къ тѣснѣйшему соединенію съ нимъ, причемъ свой восторгъ и порывъ любви и влеченія къ Жениху Невѣста выражаетъ и выступающему теперь хору придворныхъ Іерусалимскихъ дѣвицъ. „Когда она просила отца жениха и обращалась непосредственно къ самому жениху, дѣвицъ еще не было. Но во время ея бесѣды съ женихомъ входитъ хоръ дѣвицъ и рекомендуется ему словами невѣсты“ (Оригенъ—Іеронимъ, стр. 145 –146).

Царь ввелъ меня съ чертоги свои. „Не говоритъ: ввелъ многихъ въ опочивальню свою. Многія остаются внѣ, въ опочивальню входитъ одна только невѣста, чтобы видѣть скрытыя и потаенныя сокровища и возвѣстить отроковицамъ: *ввелъ меня царь въ опочивальню свою*“ [1]) (Оригенъ—Іеронимъ, *тамъ же*)“. Между тѣмъ отроковицы... по вступленіи невѣсты въ опочивальню жениха и во время разсматриванія ею тамъ богатствъ мужа, пока ожидаютъ пришествія жениха, радостно поютъ: *возрадуемся и возвеселимся о тебѣ*. Онѣ радуются о совершенствѣ невѣсты. Въ добродѣтеляхъ нѣтъ зависти. Любовь эта чиста, безъ порока... Потомъ указывая на невѣсту, жениху: *правота возлюбила тебя*. Онѣ хвалятъ невѣсту, давая ей отъ собственныхъ ея добродѣтелей имя правоты“ (*тамъ же*, стр. 147). Конецъ ст. 3, впрочемъ, не одинаково читается въ разныхъ текстахъ LXX, какъ и Оригенъ, — εὐθύτης ἠγάπησε σε, слав. правость возлюби тя. Vulg. recti diligunt te. Но еврейское *мешарим* въ выраженіи евр. масор. *мешарим агевуха*, съ удобствомъ можетъ быть переведено нарѣчіемъ: достойно (русск. синод. перев.) или: по справедливости (архим. Макарій), по аналогіи съ псс. LVII, 2. LXXIV, 3.

4—7. Замѣчаніе Невѣсты, обращенное къ дщерямъ Іерусалимскимъ: „черная я, но красива, какъ шатры Кидарскіе, какъ завѣсы Соломоновы“ (ст. 4) имѣетъ характеръ какъ бы нѣкоего оправданія или объясненія, вызваннаго, быть можетъ, какимъ-либо насмѣшливымъ словомъ кого-нибудь изъ „дщерей Іерусалимскихъ“ по поводу непосредственныхъ восторженныхъ изліяній чувствъ Невѣсты и высказаннаго ею нѣкотораго незнакомства съ придворнымъ этикетомъ. Изъ многихъ чертъ бесѣды и обстановки Невѣсты она выступаетъ провинціалкою, недавно прибывшею въ среду придворныхъ дамъ Соломона. Объясняя свою черноту (ст. 4) или смуглость (ст. 5), Невѣста, во-первыхъ, сравниваетъ ее—въ отношеніи цвѣта—съ черными войлочными (козьей шерсти) шатрами Кидарянъ [2]) — народности, происходившей отъ Измаила (Быт. XXV, 13) и частію кочевавшей, частію жившей открытыми поселками между Петрейской Аравіей и Вавилоніей (Ис. LX, 7. Іер. XLIX, 28—29: Onomast. 614); — а въ отношеніи красоты и привлекательности — съ завѣсами или павильонами Соломона (вѣроятно, имѣются въ виду царскія палатки Соломона во время его загороднаго лѣтняго путешествія,—на подобіе палатокъ нынѣшнихъ шейховъ арабскихъ). Причина черноты или

---

[1]) Слав. въ ложницу свою. Но ни еврейское *хедер*, ни греческое ταμειον не обозначаютъ непремѣнно спальни, а имѣютъ и болѣе общій смыслъ: внутренніе покои (ср. 2 Цар. XIII, 10 IV. 7).

[2]) Евр. *кедар*, какъ и *кидронъ* выражаетъ понятіе темноты, черноты.

7. Если ты не знаешь этого, прекраснѣйшая изъ женщинъ, то иди себѣ по слѣдамъ овецъ и паси козлятъ твоихъ подлѣ шатровъ пастушескихъ.

смуглости указывается (ст. 5 а) въ дѣйствіи солнца. „Она (Невѣста) прекрасна, и можно даже указать, какъ прекрасна невѣста. Но мы спрашиваемъ, какимъ образомъ она, будучи черна и безъ бѣлизны, прекрасна? Она принесла покаяніе во грѣхахъ, обращеніе дало ей красоту, потому она воспѣвается прекрасною. Но такъ какъ она еще не очистилась отъ всей нечистоты грѣховъ, еще не омыта въ водѣ спасенія, то называется черною; однакоже она не остается навсегда въ черномъ цвѣтѣ. Она дѣлается бѣлою, когда стремится къ большему и отъ низкаго начинаетъ восходить къ высшему, и тогда говорится о ней: *кто сія восходящая убѣлена* [1]) VIII, 5?“ (Оригенъ—Іеронимъ, стр. 147).

Подобнымъ же образомъ Мидрашъ противоположность черноты и красоты объясняетъ о многоразличныхъ грѣхопаденіяхъ и возстаніяхъ Израильской общины въ Ветхомъ Завѣтѣ, напр. о противленіи евреевъ Богу въ Египтѣ (Іез. XX, 8) и — очищеніи ихъ кровью пасхальнаго агнца и обрѣзаніемъ (Іез. XVI, 9),—о противоположности будней и субботы, простыхъ дней года и дня очищенія, вѣка настоящаго и вѣка будущаго (Der Midrasch Schir-ha-Schirim, übers. v. A. Wünsche, Leipz. 1880, s. 30).

Но противоположеніе Невѣсты — провинціалки „дщерямъ Іерусалимскимъ“ позволяетъ видѣть въ первой не только іудейскую Синагогу, но и ту „языческую неплодящую Церковь“, которая около времени Соломона обнаружила особенное стремленіе къ религіозному и всякому иному единенію съ Израилемъ (посѣщеніе Соломона Царицею Савскою. 3 Цар. X, 1—9, которая, по мнѣнію блаж. Ѳеодорита, являлась образомъ всѣхъ благонамѣренныхъ и честныхъ язычниковъ оправдавшихся безъ закона по Апостолу Рим. II, 14—15. Блаж. Ѳеодоритъ, Толков. на 3 книгу Царствъ, вопр. 33. См. Толковую Библію, т. II стр. 413), въ виду чего Соломонъ молилъ Іегову, чтобы въ построенномъ имъ храмѣ Богъ благоволилъ принимать молитвы и язычниковъ. (3 Цар. VIII, 41 — 43). „Когда раздается голосъ Спасителя говорящаго: *царица южская возстанетъ на судъ съ родомъ симъ и осудитъ его: яко пріиде отъ конецъ земли* слышати премудрость Соломонову и се болѣ Соломона здѣ (Матѳ. XII, 42), то ты будь внимателенъ къ тайнамъ, которыя въ этихъ словахъ предлагаются. Отъ предѣловъ земли приходитъ царица южная, церковь, и осуждаетъ людей рода сего, т. е. Іудеевъ, преданныхъ плоти и крови. Она приходитъ отъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломона, не того, который прославляется въ Ветхомъ Завѣтѣ, а того, который въ Евангеліи есть больше Соломона“. Оригенъ—Іеронимъ, стр. 149. Въ такомъ случаѣ противоположность наружнаго безобразія (языческаго быта) и внутренней красоты (душъ лучшихъ язычниковъ) выступаетъ съ особенною рельефностью.

Объясняя, далѣе, почему солнце особенно губительно повліяло на ея наружность. Невѣста указываетъ на то, что „сыны матери“ ея (т. е. сводные братья, Лев. XVIII, 9, XX, 11 или даже родные, Быт. XXVII, 29. Втор. XIII, 7) по недоброжелательству дали ей несродное и чуждое занятіе—сторожить чужой виноградникъ, пренебрегая собственнымъ (ст. 5). Только въ концѣ книги Невѣста говоритъ о цѣлости и всецѣлой принадлежности ей ея виноградника (VIII, 12). Исторія дохристіанскаго міра, какъ въ іудействѣ, такъ и въ язычествѣ, изобилуетъ примѣрами того, какъ близкіе по плоти нерѣдко отклоняли истинныхъ чтителей Бога и ревнителей правды Божіей отъ царскаго пути ихъ возвышенныхъ стремленій въ сторону занятій низменныхъ и дѣлъ недостойныхъ. Мидрашъ въ поясненіе словъ: „поставили меня стеречь виноградники“... говоритъ: „сдѣлали меня, говоритъ Моисей, судьей споровъ дочерей Іоѳора, а „моего собственнаго виноградника я не стерегъ“, т. е. не имѣлъ возможности принять на себя дѣло моихъ братьевъ въ Египтѣ“ (s. 34). Оригенъ изъ даннаго мѣста дѣлаетъ примѣненіе къ

[1]) „Убѣлена“ λελευκανθισμένη читается въ VIII, 5 только по тексту LXX и славянскому.

8. Кобылицѣ моей въ колесницѣ фараоновой я уподобилъ тебя, возлюбленная моя.

9. Прекрасны ланиты твои подъ подвѣсками, шея твоя въ ожерельяхъ;

10. золотыя подвѣски мы сдѣлаемъ тебѣ съ серебряными блестками.

11. Доколѣ царь былъ за столомъ своимъ, нардъ мой издавалъ благовоніе свое.

12. Мирровый пучекъ — возлюбленный мой у меня, у грудей моихъ пребываетъ.

13. Какъ кисть кипера, возлюб-

начальной исторіи христіанской Церкви: „Посмотри на Павла, гонителя Церкви, и ты поймешь, какимъ образомъ сынъ ея матери враждовалъ противъ нея. Гонители церкви принесли покаяніе, и противники ея, возвратившись опять подъ знамена сестры, проповѣдывали вѣру, которую прежде опровергали “(стр. 150).

Послѣ обращенія къ придворнымъ женщинамъ, Невѣста съ новою силою страсти обращается мыслію и всѣмъ существомъ опять къ Возлюбленному и, несмотря на его отсутствіе, говоритъ къ нему, какъ присутствующему, именно умоляетъ его открыть ей мѣсто, гдѣ онъ пасетъ, гдѣ со стадами отдыхаетъ въ полдень, чтобы ей не быть скиталицею (архим. Макар.: какъ бы „покрытою“, что болѣе точно соотвѣтствуетъ значенію евр. *ata*, ср. Быт. XXXVIII, 4. Лев. XIII, 46 и др.) при стадахъ его товарищей (ст. 6). На это получается не чуждый ироніи отвѣтъ „дщерей Іерусалимскихъ“, что, разъ она не освѣдомлена о своемъ возлюбленномъ. то пусть до поры до времени пребываетъ со стадами другихъ пастуховъ (ст. 7). Ясно, что невинная Невѣста наивно почитаетъ Соломона пребывающимъ со стадами, даже пасущимъ ихъ, и именно это даетъ поводъ придворнымъ дамамъ Соломона къ ихъ недружелюбной ироніи. Это очень напоминаетъ обычно недружелюбное отношеніе іудеевъ къ прозелитамъ. Только такіе Богопросвѣщенные мужи, какъ пророки: Илія, Елисей, Іона и др. понимали и осуществляли идею единенія Израиля со всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ, по крайней мѣрѣ, съ лучшими представителями его (3 Цар. XVII, 8—23. Лук. IV, 25—26. 4 Цар. V, 1—19 и др.).

8—10. Появившійся внезапно Соломонъ превозноситъ похвалами свою возлюбленную, сравнивая ее, въ отношеніи стройности, красоты, живости, съ конницею Фараона и надѣляя ее всевозможными драгоцѣнностями. „Что это такое: „конямъ моимъ въ колесницахъ Фараоновыхъ я уподобилъ тебя“? Я знаю, что всадникъ сей женихъ, какъ говоритъ пророкъ: „и ѣзда его спасеніе“ (Авв. III, 8). Итакъ ты подобна конямъ моимъ въ колесницахъ Фараоновыхъ. Насколько отличаются кони, принадлежащіе Мнѣ, Который есть Господь, и Который потопилъ въ рѣкахъ Фараона, и начальниковъ его, и всадниковъ его, и коней его, и колесницы его (Исх. гл. XIV), отъ коней Фараона, настолько ты, невѣста, лучше всѣхъ дщерей“ (Оригенъ, стр. 153). — Въ ст. 9 (евр. 10) евр. *баттоим* въ подвѣскахъ, LXX (читали: *каттоим*) передаютъ ὡς τρυγόγες, слав. (прекрасны ланиты твои) яко горлицы, Vulg. sicut turturis. Въ эстетическомъ смыслѣ послѣднее чтеніе преимуществуетъ предъ первымъ, хотя параллелизмъ рѣчи говоритъ за масоретское чтеніе. Къ ст. 10 Оригенъ замѣчаетъ: „Послѣ сего женихъ находится на ложѣ, онъ почилъ, какъ левъ, какъ скименъ львовъ уснулъ (Быт. 49, 9), чтобы потомъ услышать: *кто возбудитъ его*. Между тѣмъ во время сна его являются товарищи жениха—ангелы и утѣшаютъ невѣсту такими словами: мы не можемъ сдѣлать тебѣ золотыхъ украшеній, ибо мы не такъ богаты, какъ женихъ твой, который подарилъ тебѣ золотое ожерелье“ (стр. 154).

11—13. Стихъ 11-й сторонники такъ называемой „гипотезы пастуха“ понимали, какъ обращеніе Невѣсты не къ Соломону, а къ другому (Эвальдъ, Вайгингеръ и др.) своему возлюбленному—неизвѣстному пастуху, объясняя данный стихъ такъ: пока царь былъ въ отсутствіи (на охотѣ, на войнѣ, въ лагерѣ) и не отягощалъ меня своими ласками, я была счастлива воспоминаніемъ о далекомъ другѣ. Но на самомъ дѣлѣ текстъ говоритъ не объ отсутствіи, а о присутствіи царя Соломона за столомъ своимъ (LXX: ἐν ἀνακλίσει αὐτοῦ, Vulg. in accubito suo. Слав. на восклоненіи своемъ), вообще

ленный мой у меня въ виноградникахъ Енгедскихъ.

14. О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные.

15. О, ты прекрасенъ, возлюбленный мой, и любезенъ! и ложе у насъ—зелень;

16. кровли домовъ нашихъ—кедры, потолки наши—кипарисы.

у своего домашняго очага. Поэтому въ ст. нужно видѣть рѣчь Невѣсты о любви своей именно къ Соломону, при чемъ эта любовь образно представляется подъ ароматомъ нарда. Нардъ (см. еще П. П. IV, 13—14)—благовонное растеніе въ сѣверной и восточной Индіи изъ семейства валеріановыхъ (Valeriana Nardostachys Iatamansi), изъ котораго приготовлялось сильно благоухающее и весьма цѣнное масло (Іоанн. XII, 3 сл.), которымъ на востокѣ помазывались на пирахъ. Въ упоминаніи Невѣсты о благовоніи нарда (ст. 11) Оригенъ и Іеронимъ видятъ типическое изображеніе помазанія тѣла Спасителя Маріею нардовымъ мѵромъ незадолго до страданій (стр. 156 — 157). Но источникомъ своего благовонія любви Невѣста представляетъ своего Возлюбленнаго, т. е. Соломона, котораго она сравниваетъ съ мирровымъ пучкомъ у грудей ея (ст. 12) и съ кистью кипера, подобною кисти винограда въ садахъ Енгеддскихъ (ст. 13). Мирра (евр. *мор.*) или смирна (греч.) - рѣзко благовонная смола, цвѣта изжелта-бѣлаго и красноватаго, въ жидкомъ и твердомъ видѣ; добывается изъ дерева (Balsamodendron Myrrha Nees), растущаго въ Индіи, Египтѣ и Нубіи, но, быть можетъ, Соломономъ разводившагося и въ своихъ садахъ (ср. П. П. IV, 6. 14. V, 1 сн. Екклез. II, 5). Употреблялась для куреній и умащеній на пирахъ и въ спальняхъ богатыхъ женщинъ (П. П. V, 5. Пс. XLIV, 9. Притч. VII, 17), какъ парфюмерное средство клалась (въ порошкѣ) въ складки платья (пс. XLIV, 9). Затѣмъ, какъ у египтянъ смирна употреблялась при бальзамированіи, такъ у евреевъ, по крайней мѣрѣ, во время Іисуса Христа, трупы умершихъ умащались смирною. Особенно высокій сортъ смирны у грековъ назывался σταχτὴ (см. П. П. I, 13 по LXX и слав. ст. 12).

Киперъ (евр. *кофер*, греч. κύπρος) (ср. IV, 13), по-арабски Ал-хенна,—благовонный въ Египтѣ, Персіи, Аравіи, Остъ-Индіи, въ ботаникѣ Lawsonia alba. Цвѣты кипера напоминаютъ грозды виноградной кисти, имѣютъ бѣложелтый цвѣтъ и запахъ, напоминающій запахъ резеды; любимые цвѣты восточной женщины. Изъ высушенныхъ и истолченныхъ лепестковъ приготовляются употребительнѣйшія на древнемъ и новомъ востокѣ румяна женщинъ. Кустарники кипера, вѣроятно, насаждены были Соломономъ въ садахъ Енгедскихъ. Енгадди или Ен Геди (I. Нав. XV, 62. Іез. XLII, 10. 1 Цар. XXIV. Onomast. 401), теперь Айн-Джиди, — городъ на юго-востокѣ Палестины, на оазисѣ близъ западнаго берега Мертваго моря (См. „Толков. Библію“ т. II, стр. 100 и 285).

14—16. Выраженная Невѣстою (ст. 11—13) нѣжность чувства любви къ Жениху вызываетъ у него (ст. 14) восторгъ отъ созерцанія ея красоты, при чемъ онъ сравниваетъ ее — со стороны ея чистоты, подвижности и привлекательной простоты и невинности—съ голубями (см. V, 12, ср. „голубица моя“ II, 14. V, 2. VI, 9). (По Мидрашу, благочестивые Израильтяне въ посѣщеніяхъ своихъ храма въ праздники и во многихъ другихъ отношеніяхъ уподобляются голубямъ, s. 49—50). Оригенъ говоритъ: „Почему невѣста не говоритъ: „вотъ ты прекрасенъ, ближній мой“, а только: „вотъ ты прекрасенъ“? и почему онъ не только говоритъ: „ты прекрасна“, но и ты прекрасна ближняя моя“? Невѣста, если находится далеко отъ жениха, не прекрасна, она дѣлается прекрасною тогда, когда соединяется со Словомъ Божіимъ. И справедливо она теперь поучается отъ жениха тому, чтобы она была вполнѣ близка къ нему и не удалялась отъ его бока“ (стр. 160). (Мидрашъ объясняетъ это тѣмъ, что Возлюбленный (Богъ) имѣетъ и другихъ народовъ, кромѣ Израиля, а Невѣста—Израиль—только Его одного считаетъ достойнымъ любви s. 51).

Въ ст. 15 Невѣста „слыша о себѣ такія похвалы, взаимно воздаетъ жениху похвалами, своею хвалебною рѣчью не усвояя ему того, чего онъ не имѣетъ, а истинно уразумѣвая и созерцая красоту его“ (Оригенъ—Іеронимъ, стр. 161). Именно, восхи-

ГЛАВА 2-я.

1. Я нарцисъ Саронскій, лилія долинъ!

2. Чтб лилія между тернами, тб возлюбленная моя между дѣвицами.

щенная вниманіемъ къ себѣ царя, Невѣста хвалитъ красоту и любезность его, Возлюбленнаго своего, и зоветъ его, съ цѣлію полнаго наслажденія, на лоно природы, гдѣ ложе — зелень, кровли домовъ изъ кедра и потолки изъ кипариса. „Изслѣдуя, какого свойства эти деревья, и замѣчая, что кедръ—дерево не гніющее, а кипарисъ имѣетъ весьма пріятный запахъ, старайся и ты такъ устроить домъ свой, чтобы и о тебѣ могло быть сказано: *кровли домовъ нашихъ—кедры, а потолки наши — кипарисы*“. (Оригенъ—Іеронимъ, стр. 162).

II.

1—7. Третья строфа перваго отдѣла книги. Невѣста и Женихъ взаимно обмѣниваются похвалами другъ другу, но затѣмъ подъ сильными впечатлѣніями пламенной любви Невѣста изнемогаетъ, испытываетъ какъ бы болѣзнь любви и наконецъ, погружаясь въ полусознательное состояніе, заклинаетъ дщерей іерусалимскихъ не будить любовь до тѣхъ поръ пока она не явится сама собою.—8—17. Описаніе Возлюбленнаго со стороны Невѣсты, весенній привѣтъ любви перваго къ послѣдней и обратно.

1. Высказавши выше (1, 15—16) призывъ Возлюбленному своему послѣдовать на лоно природы, Невѣста теперь скромно и себя саму представляетъ дитятею дѣвственной природы (какъ бы въ противоположность искусственному великолѣпію дворца Соломонова), восклицая о себѣ: „я—нарциссъ Саронскій, лилія долинъ“. Евр. *хабаццелет* (встрѣч. еще въ Ис. XXXV, 1), переданное въ русск. перев. словомъ нарциссъ, имѣетъ, впрочемъ, неопредѣленное и скорѣе болѣе общее значеніе, какъ и стоитъ у LXX-ти: ἄνθος τοῦ πεδίου, Vulg. flos campi. Поэтому всѣ попытки—точнѣе опредѣлить названіе этого цвѣтка: нарциссъ (уже таргумъ передаетъ: *наркос*), роза (Бётхеръ), тюльпанъ (Вайгингеръ) имѣютъ гадательное значеніе, по Гезеніусу это—(по терминологіи Линнея) Colchium autumnale. Подъ именемъ Сарона Евсевій и Іеронимъ (Onomast. 834) различаютъ двѣ мѣстности: одну между Ѳаворомъ и моремъ Тиверіадскимъ (теперь Сарона къ сѣверу отъ вади ел—Бире), другую—болѣе извѣстную по побережью Средиземнаго моря и горамъ Израильскимъ отъ Іоппіи до Кесаріи (1 Пар. XXVII, 29. Ис. XXXIII, 9. XXXV, 2). Можетъ быть, въ данномъ случаѣ въ виду близости первой мѣстности къ городу Сонаму, родинѣ Невѣсты-Суламиты (ср. П. П. VII, 1), имѣется въ виду именно она. Евр. *шошан.* (ср. П. П. II. 16. IV, 5. V, 13. VI, 2. VII, 3) обыкновенно переводами (LXX: κρίνον, Vulg. lilium) и толкователями передается словомъ: лилія, хотя, вѣроятно, въ древности означало цвѣты не одной только породы и не только бѣлаго цвѣта (по П. П. V, 13, лилія имѣетъ красный или розовый цвѣтъ — въ родѣ lilium rubens у Плинія); по Гезеніусу, *Anemone coronaria.* Оригенъ, относя стихъ 1-й къ словамъ Жениха, комментируетъ ст. 1 такъ: „Ради меня, находящагося долу, Онъ — сходитъ въ долину, и, пришедши въ долину, дѣлается лиліею. Вмѣсто древа жизни, которое насаждено было въ раю Божіемъ, Онъ сдѣлался цвѣткомъ цѣлаго поля, то есть, цѣлаго міра и всей земли. Ибо что можетъ быть цвѣткомъ міра въ такой степени, какъ имя Христово?“ (стр. 163).

2. Если Невѣста только изъ скромности называетъ себя лиліею долинъ (ст. 1), то Женихъ сравненіе ея съ лиліею беретъ образомъ ея великой красоты и несравненнаго превосходства предъ всѣми другими придворными женщинами (ср. VI, 8—9). „Какъ лилія не можетъ быть сравниваема съ тернами, между которыми она всегда

3. Чтó яблонь между лѣсными деревьями, тó возлюбленный мой между юношами. Въ тѣни ея люблю я сидѣть, и плоды ея сладки для гортани моей.

4. Онъ ввелъ меня въ домъ пира, и знамя его надо мною—любовь.

5. Подкрѣпите меня виномъ, освѣжите меня яблоками, ибо я изнемогаю отъ любви.

появляется, такъ ближняя моя надъ всѣми дщерями есть то же, что лилія посреди терновъ" (Оригенъ—Іеронимъ, стр. 163).

3. Отвѣтныя слова Невѣсты (ст. 3 а) представляютъ полную параллель похвалъ ей со стороны Жениха (ст. 2). Яблонею (евр. *tappuах*, греч. μῆλον, лат. malus), какъ и ниже подъ яблоками (ст. 5 сн. VIII, 5), разумѣется не наша яблоня, не имѣющая тѣхъ свойствъ плодовъ своихъ, которыя усвояются плодамъ этой яблони (ст. 5), не растущая въ качествѣ лѣсного дерева и вовсе не встрѣчающаяся въ Палестинѣ, а другое какое-то плодовое дерево: апельсиновое, лимонное или абрикосовое. Пребываніе въ тѣни этой яблони и вкушеніе ея плодовъ здѣсь, какъ и ниже (ст. 5 IV, 16. VII, 14) — образъ привлекательной близости и отрады ласкъ Возлюбленнаго. „Всѣ деревья, всѣ древесныя произрастанія въ сравненіи съ Словомъ Божіимъ почитаются неплодоносными лѣсами. Для Христа все, что бы ты ни назвалъ, есть лѣсъ, и все безплодно. Ибо что, въ сравненіи съ Нимъ, можетъ быть названо плодоноснымъ? Даже деревья, которыя, повидимому, гнутся отъ множества плодовъ, въ сравненіи съ пришествіемъ Его, оказываются безплодными" (Оригенъ—Іеронимъ, стр. 163).

4—5. „*Онъ ввелъ меня въ домъ вина*" — выраженіе совершенно параллельное словамъ ст. 3 гл. I: „царь ввелъ меня въ чертоги свои", но въ отличіе отъ этого мѣста, имѣетъ метафорическій смыслъ, образное выраженіе родственной мысли, какъ показываетъ уже выраженіе (4 б): знамя его надо мною любовь". Смыслъ тотъ, что пламенная любовь, подобно воинскому знамени, защищаетъ Невѣсту, развѣваясь надъ ея главою (см. VI, 4. 10). Не столь ясно чтеніе ст. 4 по славянск. тексту „введите мя въ домъ вина, вчините ко мнѣ любовь", представляющее точный переводъ съ греческаго текста. „Вино" здѣсь берется въ ассоціаціи съ I, 1, 3, какъ образъ веселья, и „домъ вина" (Vulg. cella vinaria), вопреки буквальному пониманію у многихъ новыхъ толкователей, есть только образъ полноты радостей любви. Мидрашъ истолковываетъ ст. 4 такъ: „Общество Израилево говоритъ: Богъ ввелъ меня въ великое виноградное точило, на Синай, и тамъ далъ мнѣ мое знамя,—законъ, заповѣди и добрыя дѣла, —и я приняла ихъ съ великою любовью" (S. 59).

Преисполненная впечатлѣніями любовныхъ ласкъ Жениха, какъ бы опьяненная ихъ дѣйствіемъ (см. V, 8), Невѣста переживаетъ своеобразную болѣзнь любви, какъ бы раненная (LXX) или уязвленная (слав.) стрѣлою любви, почему, обращаясь къ дщерямъ іерусалимскимъ, она проситъ ихъ подкрѣпить ее виномъ (точнѣе: „пастилою", какъ въ перев. архим. Макарія; евр. *ашишша* означаетъ именно пирожное изъ прессованныхъ ягодъ, вообще фруктовъ, ср. Ос. III, 1) и освѣжить яблоками (ст. 5).

По мнѣнію нѣкоторыхъ (Беттхеръ и др.), здѣсь разумѣются особаго сорта яблоки, относительно которыхъ восточныя женщины, особенно обитательницы гаремовъ, были убѣждены въ связи ихъ съ половою любовію. Но нѣчто подобное изъ Библіи извѣстно лишь объ „яблокахъ любви"—мандрагорахъ (Быт. XXX, 14 сл. П. П. VII, 14). Мидрашъ вторую половину ст. 6 перефразируетъ такъ: „Община Израилева говоритъ предъ Богомъ: всѣ страданія, какія причиняютъ мнѣ народы, происходятъ только оттого, что я люблю Тебя" (S. 60).

Оригенъ и Іеронимъ понимаютъ болѣзнь любви тоже въ нравственно-аллегорическомъ смыслѣ: „Какъ прекрасно, какъ привлекательно получить рану отъ любви! Иной принялъ въ себя стрѣлу плотской любви, другой уязвленъ земною страстью; ты же обнажи члены свои и предоставь себя стрѣлѣ избранной, стрѣлѣ прекрасной, ибо стрѣлокъ есть Богъ (Ис. 49, 2. 6)... Этою стрѣлою были уязвлены тѣ, которые разсуждали между собою: *не сердце ли наю горя бѣ въ наю, егда сказоваше намъ Писаніе* (XXIV, 32)". (стр. 167).

6. Лѣвая рука его у меня подъ головою, а правая обнимаетъ меня.
7. Заклинаю васъ, дщери Іерусалимскія, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколѣ ей угодно.
8. Голосъ возлюбленнаго моего: вотъ, онъ идетъ, скачетъ по горамъ, прыгаетъ по холмамъ.
9. Другъ мой похожъ на серну, или на молодого оленя. Вотъ, онъ стоитъ у насъ за стѣною, заглядываетъ въ окно, мелькаетъ сквозь рѣшетку.

---

6. Данный стихъ представляетъ обоснованіе предыдущаго и содержитъ указаніе источника страстно и какъ бы болѣзненно развитой и напряженной любви: нѣжнѣйшая любовь и заботливость со стороны Возлюбленнаго обнимаютъ все существо и наполняютъ всю жизнь Невѣсты (сн. VIII, 3). „Слово Божіе держитъ премудрость и въ шуйцѣ и въ десницѣ, и премудрость эта, хотя по различію ея разумѣнія бываетъ многоразлична, но въ своемъ источникѣ одна. Самъ Соломонъ учитъ о шуйцѣ и десницѣ Премудрости: *долгота бо жизни въ десницѣ ея, въ шуйцѣ же ея богатство и слава* Притч. III, 16. (Оригенъ—Іеронимъ, стр. 168. Сн. „Толков. Библ, т. IV, стр. 433).

7. Первый отдѣлъ книги заканчивается своеобразною клятвою или заклинаніемъ, три раза встрѣчающимся въ книгѣ Пѣснь Пѣсней (II, 7. III, 5. VIII. 4) и болѣе нигдѣ въ Писаніи, клятвою къ Іерусалимскимъ женщинамъ сернами или полевыми ланями не возбуждать любовь (а не „возлюбленную“, какъ въ Вульгатѣ и въ русск. Синодальномъ и Архим. Макарія). пока она пробудится сама.

Формула клятвы „сернами или полевыми ланями“ по мазоретскому тексту подтверждается текстами: Сирскимъ, Вульгатою (per capreas cervosque camporum) и русскимъ и заслуживаетъ предпочтенія предъ формулою греч. и слав. „въ силахъ и крѣпостяхъ села“. Основаніе своеобразной поэтической формы этой клятвы заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ особенной граціи и красотѣ газелей и ланей, въ силу чего онѣ являются наиболѣе подходящимъ образомъ—женской красоты и миловидности (Притч. V, 19. Толков. Библ. т. IV, стр. 441), а вмѣстѣ и женской любви; особенно умѣстна и естественна такая клятва въ устахъ женщины и въ обращеніи къ женщинамъ же (во всѣхъ трехъ названныхъ случаяхъ: П. П. II, 7; III, 5; VIII, 4), которыхъ Невѣста настоятельно предостерегаетъ отъ соблазна преждевременнно и искусственно вызывать и воспламенять въ себѣ пламя любви, напротивъ совѣтуетъ предоставить пробужденіе и развитіе этого чувства природѣ и Богу. Здѣсь — мораль всего отдѣла I, 1—II, 7: послѣдовательное развитіе чувства любви — отъ перваго исканія лобзаній Возлюбленнаго до полнаго изнеможенія любви послужило для Невѣсты основаніемъ сдѣлать упомянутое предостереженіе подругамъ. Указываемый ею законъ нормальной постепенности въ любви имѣетъ силу и въ аллегорическомъ толкованіи — въ примѣненіи содержанія книги къ природѣ, къ исторіи Израиля и къ исторіи спасенія. По объясненію проф. Олесницкаго, первый отдѣлъ книги Пѣснь Пѣсней можетъ быть названъ *зимнею* или *предвесеннею* пѣснью сѣтованія обѣтованной земли о солнцѣ, уклонившемся отъ нея въ своемъ зимнемъ теченіи а также пѣснью перваго, печальнаго періода въ исторіи Израиля—пребыванія въ Египтѣ и странствованія по пустынѣ (Цит. соч. стр. 368—369).

8—9. Новая картина открывается рядомъ воспоминаній Возлюбленной о блаженныхъ минутахъ имѣвшаго мѣсто ранѣе единенія ея съ Возлюбленнымъ. Монологъ Суламиты, передающій это свиданіе (II, 8—III, 5), по мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ, можетъ считаться написаннымъ раньше перваго отдѣла, такъ какъ въ немъ идетъ рѣчь о причинѣ, по которой Суламита разлучилась съ отцовскимъ домомъ; „авторъ поступилъ очень тонко, воспользовавшись предшествующими главному дѣйствію событіями только какъ первыми нитями для остальной ткани“ (*Карпелесъ*, стр. 81). Въ изображеніи въ ст. 8—9 Возлюбленнаго, отличающемся чрезвычайною живостью, выставляется на видъ величайшая подвижность и неуловимость Возлюбленнаго, такъ что невольно возникаетъ аналогія его съ быстро движущими стихіями. „Второй отдѣлъ Пѣсни Пѣсней II, 7—III, 5, говоритъ проф. Олесницкій, въ отличіе отъ перваго можетъ быть названъ *пѣснью весны*. Скрывавшееся отъ земли солнце теперь само вызываетъ ее къ жизни.

10. Возлюбленный мой началъ говорить мнѣ: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!
11. Вотъ, зима уже прошла; дождь миновалъ, пересталъ;
12. цвѣты показались на землѣ; время пѣнія настало, и голосъ горлицы слышенъ въ странѣ нашей;
13. смоковницы распустили свои почки, и виноградныя лозы расцвѣтая издаютъ благовоніе. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!
14. Голубица моя въ ущельи скалы подъ кровомъ утеса! покажи мнѣ лице твое, дай мнѣ услышать голосъ твой, потомучто голосъ твой сладокъ и лице твое пріятно.
15. Ловите намъ лисицъ, лисенятъ, которыя портятъ виноградники, а виноградники наши въ цвѣтѣ.
16. Возлюбленный мой принадлежитъ мнѣ, а я ему; онъ пасетъ между лиліями.
17. Доколѣ день дышетъ *прохла-*

Отдѣлъ начинается отрывочными словами „голосъ возлюбленнаго моего“. Женихъ находится въ такомъ отношеніи къ невѣстѣ, что она слышитъ только его голосъ, чувствуетъ его дыханіе, но не знаетъ откуда приходитъ и камо идетъ (Іоанн. III, 8). Подобно неуловимому вѣтру и быстроногой сернѣ, онъ пробѣгаетъ по странѣ, перескакиваетъ чрезъ горы и холмы. Въ отношеніи къ человѣческому образу такое представленіе было бы весьма не естественно; но въ отношеніи къ вольному лучу солнца, не знающему препятствій ни въ горахъ, ни въ долинахъ, это въ высшей степени натурально. Прекрасно идетъ сюда и то, что говорится въ слѣдующемъ (9) стихѣ о возлюбленномъ, засматривающемъ на бѣгу въ окна, мелькающемъ сквозь рѣшетки домовъ“ (стр. 369). Еще болѣе удобопонятными отмѣченныя черты являются при типическомъ истолкованіи ихъ о Христѣ, какое даетъ Оригенъ (стр. 170 ср. Мидрашъ, стр. 67—68). Въ текстѣ LXX и слав. въ ст. 9 имѣется прибавка: ἐπὶ τὰ ὄρη Βαιθήλ, Веѳильскихъ; въ др. текстахъ и переводахъ прибавка эта не находитъ для себя опоры.

10—13. Здѣсь имѣемъ законченную строфу, начинающуюся и оканчивающуюся приглашеніемъ Возлюбленнаго Невѣстѣ пользоваться прелестями наступившей весны, открывающейся въ Палестинѣ по мановаіи „времени дождей“ (*эт-гешамим* 1 Ездр. X, 9, 13), частнѣе поздняго дождя (*малкош*). Весенній солнечный лучъ, пробуждающій природу, касающійся высокихъ палестинскихъ горъ, не забываетъ заглянуть и въ жилище человѣка. Встань, прекрасная моя, говоритъ онъ всему живущему во святой землѣ, пора оставить зимній покой и выступить на просторъ для новой жизни... Стихи 12—13 изображаютъ внѣшній видъ палестинской природы въ это время года, по преимуществу называвшееся мѣсяцемъ цвѣтовъ, *ziv*, подобно нашему мѣсяцу маю“. (*Олесницкій*, стр. 370). Священный поэтъ при этомъ выбираетъ такія черты весны — цвѣты, пѣніе, благоуханіе, — какія способны возбуждать любовь къ природѣ и людямъ. По нѣжной любви къ природѣ и свѣжему аромату, эта „весенняя пѣсня“ есть рѣдкое явленіе въ цѣлой древности.

14—16. „О, голубица моя, говоритъ Палестинѣ любующееся ею солнце, дай мнѣ смотрѣть на лице твое и слышать голосъ твой“, очевидно, разумѣется то же лицо природы, покрытое цвѣтами, и тотъ же голосъ возвратившихся въ Палестину перелетныхъ птицъ, о которыхъ говорилось непосредственно предъ тѣмъ. Прибавочное выраженіе: „изъподъ ущелій и скалъ и утесовъ“ (покажи лице твое)—самое точное описаніе грунта Палестины, покрытой суровыми скалами и только изъ долинъ и воды смотрящей свѣжестію и жизнію“ (*Олесницкій*, стр. 370). Ст. 15 является совершенно неожиданною вставкою, прерывающею діалогъ жениха и невѣсты; можетъ быть это отрывокъ пѣсни рабочихъ виноградника, приводимый Суламитою по воспоминанію о своей подневольной службѣ въ охраненіи виноградника (I, 5) Смыслъ стиха ясенъ: „сила, покровительствующая Палестинѣ, не можетъ смотрѣть равнодушно на враговъ ея, кто бы они ни были, простыя лисицы или лисицы политическія“ (*Олесницкій*, стр. 370).

16—17. Съ ст. 16 данной главы по ст. 4-й главы 3-ей изображается отвѣтное—на призывъ Жениха, ст. 8—14,—стремленіе Невѣсты къ нему. Эпитетъ Возлюбленнаго

дою, и убѣгаютъ тѣни, возвратись, будь подобенъ сернѣ, или молодому оленю, на разсѣлинахъ горъ.

ГЛАВА 3-я.

1. На ложѣ моемъ ночью искала я того, котораго любитъ душа моя, искала его и не нашла его.
2. Встану же я, пойду по городу, по улицамъ и площадямъ и буду искать того, котораго любитъ душа моя; искала я его и не нашла его.
3. Встрѣтили меня стражи, обходящіе городъ: не видали ли вы того, котораго любитъ душа моя?
4. Но едва я отошла отъ нихъ, какъ нашла того, котораго любитъ душа моя, ухватилась за него и не отпустила его, доколѣ не привела его въ домъ матери моей и во внутреннія комнаты родительницы моей.
5. Заклинаю васъ, дщери Іерусалимскія, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколѣ ей угодно.
6. Кто эта, восходящая отъ пустыни какъ-бы столбы дыма, окуриваемая миррою и ѳиміамомъ, вся-

(ст. 16, сн. VI, 2—3) „пасущій *между лиліями*“ лучше всего показываетъ, что Женихъ Пѣснь Пѣсней лишь въ несобственномъ смыслѣ на метафорически-поэтическомъ языкѣ называется пастухомъ. Невѣста высказываетъ крѣпкую увѣренность въ незыблемой твердости взаимныхъ чувствъ, любви, соединяющихъ ее съ Возлюбленнымъ (ст. 16, сн. VII, 10). Однако сейчасъ же она предвидитъ и предстоящую разлуку съ нимъ и потому въ ст. 17-мъ, имѣющемъ отношеніе къ первымъ стихамъ слѣдующей главы, Она въ виду наступающаго заката солнца умоляетъ Возлюбленнаго скорѣе вернуться съ „горъ раздѣленія“ (евр. *гаре—батер.*, LXX: τὰ ὄρη κοιλωμάτων, Vulg. montes Bether, слав. на горахъ юдолей). Подобный же оборотъ рѣчи рѣчи имѣетъ мѣсто ниже въ IV, 6.

III.

1—5. Суламита ночью тревожно ищетъ своего Возлюбленнаго и наконецъ находитъ его. 6—11. Торжественный выходъ царя Соломона и торжество его бракосочетанія.

1—5. Все, что разсказывается здѣсь, происходитъ въ глубокую ночь (ст. 1) и относится болѣе къ грёзамъ и сновидѣніямъ Сулалиты, чѣмъ къ дѣйствительности, въ которой, по библейско-еврейскимъ понятіямъ, было бы непристойнымъ для невѣсты искать жениха ночью по улицамъ города (вѣроятно, Іерусалима), ср. Притч. VII, 11. Гораздо болѣе удовлетворительный смыслъ даетъ аллегорическое объясненіе данной главы. „Возлюбленные (солнце и земля) разстались съ взаимнымъ томленіемъ и скорбью. Особенно земля не можетъ успокоиться, ей тошно, ей не лежится на ложе. Стихи 1—2 третьей главы—прекрасное поэтическое изображеніе той скрытой борьбы, которая чувствуется въ палестинской природѣ ночью, того трепета, который стоитъ въ самомъ воздухѣ и дѣлаетъ все окружающее какъ бы дрожащимъ. Земля ищетъ солнца и—скоро найдетъ (весенняя ночь не длинна.) Отдѣлъ оканчивается, какъ и предшествующій, обращеннымъ къ населенію Палестины заклинаніемъ—не портить той гармоніи и любви, которыя царствуютъ въ кипящей медомъ и молокомъ палестинской природѣ“ (*Олесницкій*, стр. 370—371). Мидрашъ истолковываетъ данный отдѣлъ о религіозной и гражданской жизни Израиля во время ночей (т. е. плѣненій) египетской, вавилонской, лидійской, греческой и римской (ç. 82).

6—11. Величественность изображаемой здѣсь картины побуждаетъ священнаго

кими порошками мyроварника?

7. Вотъ одръ его — Соломона: шестьдесятъ сильныхъ вокругъ него, изъ сильныхъ Израилевыхъ.

8. Всѣ они держатъ по мечу, опытны въ бою; у каждаго мечъ при бедрѣ его ради страха ночнаго.

9. Носильный одръ сдѣлалъ себѣ царь Соломонъ изъ деревъ Ливанскихъ;

10. столбцы его сдѣлалъ изъ серебра, локотники его изъ золота, сѣдалище его изъ пурпуровой ткани; внутренность его убрана съ любовью дщерями Іерусалимскими.

11. Пойдите и посмотрите, дщери Сіонскія, на царя Соломона въ вѣнцѣ, которымъ увѣнчала его мать его въ день бракосочетанія его, въ день радостный для сердца его.

писателя вывести новую группу дѣйствующихъ лицъ, именно хоръ подругъ Невѣсты, восклицаніемъ ст. 6-го выражающихъ свои чувства восторга и удивленія предъ открывающимся здѣсь величественнымъ зрѣлищемъ. Общій смыслъ нарисованной здѣсь картины обыкновенно понимается такъ, что здѣсь изображается бракосочетаніе царя Соломона съ избранною Невѣстою Пѣсни Пѣсней, при чемъ въ ст. 6 представлено брачное шествіе Невѣсты, въ ст. 7—10—встрѣчный царскій поѣздъ жениха Соломона, а ст. 11 говоритъ о бракосочетаніи ихъ, какъ уже совершившемся фактѣ. Вопросъ или восклицаніе ст. 6 естественно относить именно къ Невѣстѣ и ея движенію, какъ могутъ подверждать это и паралели VI, 10 и VII, 5. Что касается ст. 6—10 то описаніе здѣсь одра евр. (*митта*) или посильнаго одра (*аппиріон*=греч. φορεῖον) и вся вообще, изображаемая здѣсь, обстановка параднаго выхода и всего придворнаго великолѣпія царя Соломона, вполнѣ подтверждаются всѣмъ, что извѣстно о Соломонѣ изъ 3-й книги Царствъ и 2-ой Паролипоменонъ. Но нельзя не упомянуть здѣсь того объясненія, какое даетъ разсматриваемому отдѣлу III, 6—11 проф. А. А. Олесницкій съ точки зрѣнія своей, уже извѣстной намъ, теоріи о происхожденіи, смыслѣ и значеніи книги Пѣснь Пѣсней. „Сущность этой строфы, говоритъ онъ, есть поэтическое изображеніе восхода солнца, по которомъ, какъ мы видѣли въ предшествующей строфѣ, земля томилась въ теченіе ночи... Изображеніе стиха шестого не можетъ имѣть никакого отношенія къ человѣческой фигурѣ; сравненіе человѣка съ столбами дыма была бы не изящно и не натурально. Солнце же палестинское, восходящее именно со стороны пустыни (такъ, называлась горная область Іудеи на востокъ отъ Іерусалима) среди синяго пара вѣчно стоящаго надъ моавитскими горами, для наблюдающаго съ іерусалимскихъ горъ является именно въ столбахъ дыма, названнаго у поэта благовоннымъ дымомъ мирры и ѳиміама, то есть, подобнымъ тому дыму, который дымился на жертвенникѣ храма (выходъ солнца встрѣчался сожженіемъ жертвы въ іерусалимскомъ храмѣ, стр. 371)“. Возраженіемъ противъ этого является *женскій* родъ мѣстоименія въ вопросѣ: „кто эта“... евр. *мизот*) и отмѣченная нами параллельность ст. 6 двумъ другимъ мѣстамъ (VI, 10. VII, 5), въ которыхъ несомнѣнно имѣется въ виду невѣста. Первое возраженіе легко устраняется у проф. Олесницкаго указаніемъ на то, что евр. *шемеш* солнце въ древнѣйшемъ еврейскомъ языкѣ женскаго рода, что подтверждается нерѣдкою женскою конструкціею при немъ глагола, напр. Быт, XV, 17. XIX, 23 въ *Ktib*, Наум. III, 17 (стр. 359). Но нѣкоторая неожиданность появленія въ рѣчи священнаго поэта подразумѣваемаго (будто бы) *шемеш* остается въ силѣ. Однако посредствующимъ понятіемъ является мысль о царѣ Израильскомъ, а затѣмъ, какъ вершина всего имѣется въ виду и мысль о Мессіи. „Восхожденіе „обѣтованнаго“ (Ис. XXX, 26) солнца—говоритъ въ этомъ смыслѣ проф. Олесницкій,— можетъ означатьтолько моментъ появленія ожидаемаго исполнителя судебъ Божіихъ о Его землѣ и народѣ. И вотъ этотъ совершитель появляется въ лучахъ вещественнаго солнца и есть не кто другой, какъ царь Соломонъ, политическое солнце страны (Solomon=перс. sol солнце) Въ III, 7—11 говорится именно о восшествіи на престолъ Соломона и о торжественномъ появленіи его народу. Изображемыя здѣсь необыкновенныя носилки, подобно колесницамъ въ VI, 12, служатъ вмѣстѣ и царскимъ сѣдалищемъ и аттрибутомъ солнца (4 Цар. XXIII, 12)... Бракосочетаніе, о которомъ здѣсь говорится,

ГЛАВА 4-я.

1. О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные подъ кудрями твоими; волоса твои, какъ стадо козъ, сходящихъ съ горы Галаадской;

2. зубы твои, какъ стадо выстриженныхъ овецъ, выходящихъ изъ купальни, изъ которыхъ у каждой пара ягнятъ, и безплодной нѣтъ между ними;

естъ завѣтъ, заключаемый между царемъ и народомъ при вступленіи царя на престолъ, и вмѣстѣ поэтическій завѣтъ солнца и земли, который поэты всѣхъ временъ и народовъ находили въ весеннемъ отношеніи солнца къ землѣ. Но это не все. Соединеніе двухъ образовъ восхожденія солнца и вступленіе на престолъ великаго царя должно было приводить въ сознаніе новый высшій образъ Мессіи Царя, котораго имя: *Востокъ, и Солнце Праведное.* По объясненію Мидраша (Midr. III, 11, ç. 99), подъ царемъ упоминаемымъ въ III, 11, разумѣется царь—Мессія, поскольку только онъ можетъ привести въ гармонію явленія тепла и явленія холода, дѣйствія ангела зимы Михаила и ангела весны Гаврінла“ (стр. 372—373).

„Страхъ ночной“ (ст. 8)—боязнь призраковъ и под. существовалъ у евреевъ съ древнѣйшихъ временъ (Іов. IV, 14. Руѳ. III, 8. Притч. III, 23—25. Пс. XC, 5) до позднѣйшихъ (Матѳ. XIV, 26).

IV.

1—7. Похвалы царя своей новобрачной.—8—15. Признаніе царя въ своихъ чувствахъ къ ней и новыя похвалы ей.—16. Отвѣтное слово невѣсты.

1—6. Для изображенія красоты невѣсты священный поэтъ соединяетъ въ одинъ образъ многочисленныя и разнообразныя черты и штрихи природы, при чемъ послѣдніе рѣшительно преобладаютъ надъ чисто человѣческими чертами и отнюдь не суть *puncta comparandi*, а именно принадлежатъ образу невѣсты, какъ особенно видно изъ ст. 12—15, гдѣ штрихи природы безъ посредства сравнительной частицы прямо представляются предикатами невѣсты. Здѣсь именно, какъ и въ другихъ частяхъ книги, оправдывается воззрѣніе проф. Олесницкаго, что центръ тяжести содержанія Пѣсни Пѣсней лежитъ не въ изображеніи человѣческой личности и ея фигуры, а въ изображеніи палестинской природы въ библейскій періодъ, періодъ обилія естественныхъ благъ и развитія матеріальной и духовной культуры въ странѣ обѣтованной. „Если доселѣ обѣтованная земля изображалась только въ ея отношеніяхъ къ солнцу и въ неясныхъ еще чертахъ, то теперь, въ періодъ полнаго ея лѣтняго цвѣтенія, она описывается сама для себя, и при томъ въ чертахъ неприкровенныхъ. Красота изображаемой здѣсь невѣсты состоитъ въ стадахъ козъ лучшей галаадской породы, въ стадахъ многоплодныхъ овецъ, въ садахъ гранатовыхъ деревъ и всякихъ благовонныхъ кустарниковъ, въ получившихъ теперь особенную прелесть источникахъ живыхъ водъ, текущихъ съ горъ; невѣста дышетъ медомъ и молокомъ и благоухаетъ благоуханіемъ Ливана и запахомъ благословенныхъ Богомъ полей, прибавляетъ мидрашъ (4, 11) на основаніи Быт. XXVII, 27“ (*проф. Олесницкій*, стр. 373).

Таковъ общій смыслъ и таково общее содержаніе разсматриваемой (IV-й) главы. Далѣе, поясненія требуютъ отдѣльныя выраженія, особенно въ мѣстахъ, бывшихъ не вполнѣ понятными уже для древнихъ переводчиковъ книги, и потому далеко неодинаково переданныхъ разными переводами.

Глаза твои голубиные (ст. 1), точнѣе съ евр.: глаза твои—голуби,—выраженіе, буквально повторяющее стоящее ранѣе I, 14. Но здѣсь при немъ стоитъ новое опредѣленіе—евр. *миббаад лецаммателх*, повторяющееся (въ нѣсколько другомъ соче-

3. какъ лента алая губы твои, и уста твои любезны; какъ половинки гранатоваго яблока—ланиты твои подъ кудрями твоими;

4. шея твоя, какъ столпъ Давидовъ, сооруженный для оружій, тысяча щитовъ виситъ на немъ—все щиты сильныхъ;

5. два сосца твои, какъ двойни молодой серны, пасущіяся между лиліями.

6. Доколѣ день дышетъ *прохладою*; и убѣгаютъ тѣни, пойду я на гору мирровую и на холмъ ѳиміама.

7. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нѣтъ на тебѣ!

8. Со мною съ Ливана, невѣста!

таніи) еще два раза ст. 3 данной главы и ст. 7 гл. VI й. Выраженіе это было непонятно уже для LXX, передавшихъ его во всѣхъ трехъ мѣстахъ темнымъ и неопредѣленнымъ выраженіемъ: ἐκτὸς τῆς σιωπήσεώς σου, слав. кромѣ замолчанія твоего. Столь же неопредѣленно передается это мѣсто въ Вульгатѣ: absque eo, quod intrinsecus latet (IV, 1. 3) или: absque occultis tuis (VI, 7). Такимъ образомъ и LXX и Вульгата сообщаютъ разсматриваемому мѣсту смыслъ метафорическій, но выражаютъ его слишкомъ неясно. Мидрашъ (s. 103) считаетъ слово *миббаад* арабскимъ, соотвѣтствующимъ евр. глаголу *арах* идти, но и это словопроизводство не даетъ опредѣленнаго смысла; притомъ ближе искать аналогіи слову *цамма* въ халд. *цамам* или *цамцам* покрывать. Поэтому не вполнѣ удаченъ и русскій синодальн. переводъ: „подъ кудрями твоими“. Правильнѣе понимать *цамма* въ смыслѣ „покрова“, „покрывала“, какое значеніе это слово несомнѣнно имѣетъ въ Ис. XLVII, 2, и все выраженіе переводить съ архим. Макаріемъ: „изъ-подъ покрывала твоего“.

Волоса невѣсты сравниваются (ст. 1б) съ стадомъ козъ на горѣ Галаадской. Галаадомъ (ср. Onomost. 318) въ Библіи называется вся страна къ востоку отъ Іордана, отъ потока Арнона до южныхъ склоновъ Ермона (Втор. XXXIV, 1; Іис. Нав. XXII, 9. 13. 15; Суд. XX, 1), а также, частнѣе, горная мѣстность отъ Ярмука до возвышенности Есевона въ отличіе отъ равнины Васана (Іис. Нав. XVII, 1. 5; 4 Цар. X, 33); въ тѣсномъ же смыслѣ Галаадомъ назывались отдѣльные горные кряжи, напр. Быт. XXXII, 21, какъ нынѣшніе: Джебел-Джил'адъ, къ югу отъ Іавока, джевелъ Аджлунъ и др. Галаадъ вообще и особенно гористая часть его были годны для скотоводства, и скота здѣсь всегда водилось много (Чис. XXXII, 1; Іер. L, 19; Мих. VII, 14). Водились здѣсь во множествѣ и козы. Сравненіе волосъ съ стадомъ козъ имѣетъ цѣлью отмѣтить ихъ черный, блестящій цвѣтъ и шелковистую мягкость. Напротивъ, бѣлизна зубовъ (ст. 2) поясняется сравненіемъ съ волною бѣлыхъ (ср. Ис. I, 18) и гладко выстриженныхъ, а предварительно вымытыхъ овецъ.

Подъ башней или столпомъ Давида, съ которымъ сравнивается, вѣроятно, относительно стройности и гладкости, шея невѣсты (ст. 4), разумѣется башня, назначенная быть своего рода арсеналомъ и построенная Давидомъ гдѣ-либо на Сіонскомъ холмѣ. Назначеніе башни обозначено евр. словомъ *леталіпйот*. LXX не поняли значенія этого слова и оставили его безъ перевода: εἰς θαλπιώθ; Vulg.: cum propugnaculis. Но еще р. Кимхи указалъ на родство второй части этого евр. слова съ *пэ* уста, plur. *пйот*, остріе меча (ср. Притч. V, 4; Суд. III, 16); если же первую часть слова сблизить съ глаголомъ *тала* вѣшать, то вполнѣ можно будетъ принять переводъ архим. Макарія: „столбъ Давидовъ, сооруженный для вѣшанія оружій“.

Слова ст. 6 являются вполнѣ параллельными ст. 17 гл. II-й и представляютъ какъ бы отвѣтъ жениха на высказанное тамъ предложеніе невѣсты.

Ст. 7 составляетъ заключеніе первой половины главы и содержитъ въ себѣ обобщеніе высказанныхъ доселѣ похвалъ совершенствамъ невѣсты: здѣсь она представляется свободною отъ всякаго недостатка или порока и полною всѣхъ совершенствъ. Это изображеніе невѣсты отразилось на представленномъ у св. Апостола образѣ совершенства Церкви (Ефес. V, 27), а въ церковно богослужебномъ употребленіи, какъ было уже упомянуто, перенесено было на чистѣйшій образъ Пренепорочной Дѣвы Богоматери.

8—16. Одушевленный любовію къ невѣстѣ, женихъ настоятельно призываетъ ее

со мною иди съ Ливана! спѣши съ вершины Аманы, съ вершины Сенира и Ермона, отъ логовищъ львиныхъ, отъ горъ барсовыхъ!

9. Плѣнила ты сердце мое, сестра моя, невѣста! плѣнила ты сердце мое однимъ взглядомъ очей твоихъ, однимъ ожерельемъ на шеѣ твоей.

10. О, какъ любезны ласки твои, сестра моя, невѣста! о, какъ много ласки твои лучше вина, и благовоніе мастей твоихъ лучше всѣхъ ароматовъ!

11. Сотовый медъ каплетъ изъ устъ твоихъ, невѣста; медъ и молоко подъ языкомъ твоимъ, и благоуханіе одежды твоей подобно благоуханію Ливана!

12. Запертый садъ — сестра моя, невѣста, заключенный колодезь, запечатанный источникъ;

13. разсадники твои — садъ съ гранатовыми яблоками, съ превосходными плодами, киперы съ нардами,

14. нардъ и шафранъ, аиръ и корица со всякими благовонными деревами, мирра и алой со всякими лучшими ароматами;

15. садовый источникъ—колодезь живыхъ водъ и потоки съ Ливана.

16. Поднимись *вѣтеръ* съ сѣвера

къ себѣ „съ Ливана, съ вершинъ Аманы, Сенира и Ермона — отъ логовищъ львовъ и барсовъ“ (ст. 8), т. е. оставить дикія и величественныя горныя возвышенности, близкія къ ея родинѣ — г. Сонаму и стремиться жить единою съ нимъ жизнью. Горы, названныя въ ст. 8, представляютъ отдѣльные горные кряжи въ горной цѣпи Ермона (или Аермона) и Ливана, причемъ Ермонъ есть еврейское названіе, соотвѣтствующее финикійско-хананейскому Сениръ (Втор. III, 9; Onomast. 30). Слову Амана у LXX-ти придано нарицательное значеніе: ἀπὸ ἀρχῆς τῆς πίστεως, слав. изъ начала вѣры, что, по мнѣнію проф. Олесницкаго, оправдывается записаннымъ въ книгѣ Еноха преданіемъ о томъ, что первые вѣрующіе въ человѣчествѣ жили на горахъ Ливана (стр. 47).

Ст. **9—11** изображаютъ то восторженное впечатлѣніе, какое произвела на жениха—царя невѣста своею привлекательною внѣшностью, а еще болѣе, конечно, своими духовными достоинствами (къ ст. 10 ср. П. П. I, 1). При этомъ особенная близость возлюбленной къ возлюбленному выражается не только названіемъ невѣста (ст. 8. 11), но и двойнымъ: „сестра моя невѣста“ (ст. 9. 10. 12). По замѣчанію Мидраша (IV, 10—11), Израиль десять разъ въ Писаніи названъ невѣстою: шесть разъ въ Пѣсни Пѣсней, и четыре раза у пророковъ, именно: три раза у Исаіи XLIX, 18; LXI, 10; LXII, 5, и одинъ разъ у Іереміи VII, 34,—по числу десяти заповѣдей; и эта невѣста наряжается въ 24 украшенія, поименованныя у Исаіи III, 18—23 — по числу священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта (s. 123—124). Характеристика невѣсты въ ст. 11, какъ обилующей медомъ и молокомъ, сама собою напоминаетъ библейскую характеристику Святой Земли или Палестины, какъ земли, текущей молокомъ и медомъ (Исх. III, 17 и др.). О благоуханіи Ливана ср. Ос. XIV, 7.

12.—15. Теперь женихъ начинаетъ говорить о невѣстѣ въ третьемъ лицѣ, но тѣмъ съ большею щедростью воздаетъ ей похвалы. Смыслъ названій: „запертый садъ“, „заключенный колодезь“, „запечатанный источникъ“ уясняется изъ аналогіи Притч. V, 15—18, гдѣ источникъ является символомъ супружеской любви и ласки жены, которыми пользуется только ея мужъ и ни одинъ посторонній мужчина; слѣдовательно, названія эти характеризуютъ безусловную непорочность, чистоту и цѣломудріе невѣсты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показываютъ дальнѣйшіе стихи, 13—15, выраженія эти обозначаютъ и вообще плодородіе (ср. Ис. LVIII, 11), въ духовномъ смыслѣ—обиліе добродѣтелей невѣсты. Въ ст. 13 садъ въ подлинномъ текстѣ названъ *пардес*, словомъ, всего 3 раза встрѣчающимся въ Ветхомъ Завѣтѣ (еще Еккл. II, 5. Неем. II, 8). Это слово происходитъ, вѣроятно, отъ санскритскаго *pairidaeza*, сохранившагося въ греч. παράδεισος, рай; собственно: огражденное мѣсто, паркъ и т. п.

Ст. **16**—слова невѣсты, спѣшащей приготовить садъ свой къ пріему друга: сѣверный и южный вѣтры (Вульг.: Aquilo, Auster) приглашаются всюду развѣять ароматы сада невѣсты, чтобы слава ея привлекла всѣ народы (ср. пс. XLIV, 14—17).

и принесись съ юга, повѣй на садъ мой,—и польются ароматы его! — Пусть придетъ возлюбленный мой въ садъ свой и вкушаетъ сладкіе плоды его.

ГЛАВА 5-я.

1. Пришелъ я въ садъ мой, сестра моя, невѣста; набралъ мирры моей съ ароматами моими, поѣлъ сотовъ моихъ съ медомъ моимъ, напился вина моего съ молокомъ моимъ. Ѣшьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!

2. Я сплю, а сердце мое бодрствуетъ; *вотъ*, голосъ моего возлюбленнаго, который стучится: отвори мнѣ, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому-что голова моя вся покрыта росою, кудри мои—ночною влагою.

3. Я скинула хитонъ мой, какъ же мнѣ опять надѣвать его? я вымыла ноги мои; какъ же мнѣ марать ихъ?

4. Возлюбленный мой протянулъ руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась отъ него.

5. Я встала, чтобъ отпереть возлюбленному моему, и съ рукъ моихъ капала мирра, и съ перстовъ моихъ мирра капала на ручки замка.

6. Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушелъ. Души во мнѣ не стало, когда онъ говорилъ; я искала его и не находила его; звала его, и онъ не отзывался мнѣ.

7. Встрѣтили меня стражи, обходящіе городъ, избили меня, изранили меня; сняли съ меня покрывало стерегущіе стѣны.

Въ духовномъ, нравственно-психологическомъ смыслѣ „это—изображеніе души святой, преданной Богу. Благодатные дары, какъ благовонные цвѣты, украшаютъ ее; но они являютъ силу свою другимъ не прежде, какъ повѣетъ на душевной вертоградъ тотъ Духъ, который *идѣже хощетъ, дышетъ* (Іоанн. III, 8). Когда Ему угодно, облагодатствованная душа испускаетъ благоуханія,—животворитъ и радуетъ другихъ; когда не угодно, она есть *вертоградъ заключенъ*, и никто не знаетъ, какія сокровища таятся въ ней“ („Воскресн. Чтен.“, г. V (1841—42 гг.), стр. 160).

V.

1. Пиръ возлюбленнаго.—2—7. Ночныя впечатлѣнія невѣсты въ исканіи своего друга. 8—16. Въ бесѣдѣ съ дѣвицами Іерусалимскими она превозноситъ похвалами своего друга.

I. Въ отвѣтъ на приглашеніе или пожеланіе невѣсты (IV, 16 б) возлюбленный приходитъ въ садъ свой, и изъ всѣхъ плодовъ и пряностей его устрояетъ пиршество для гостей и друзей. Въ текстахъ LXX, слав. Вульг.: вторая половина ст. 16 го гл. IV-й отнесена къ 1-му ст. V-й и, что сообщаетъ большую цѣльность смежнымъ и родственнымъ мыслямъ, —оканчивающей одну главу и начинающей другую.

2—7. Въ словахъ: „Я сплю, сердце мое бодрствуетъ“ —дана вѣрная и точная характеристика пламенной любви, наполняющей все существо любящаго существа даже во время сна: одного слова возлюбленнаго достаточно для того, чтобы любящая его пробудилась отъ сна. Мидрашъ (s. 134 такъ перифразируетъ слова ст. 2-го: „Общество Израилево говоритъ предъ Богомъ: Господь міра! я сплю и не исполняю заповѣ-

8. Заклинаю васъ дщери Іерусалимскія! если вы встрѣтите возлюбленнаго моего, что̀ скажете вы ему? что я изнемогаю отъ любви.

9. Чѣмъ возлюбленный твой лучше другихъ возлюбленныхъ, прекраснѣйшая изъ женщинъ? Чѣмъ возлюбленный твой лучше другихъ, что ты такъ заклинаешь насъ?

10. Возлюбленный мой бѣлъ и румянъ, лучше десяти тысячъ другихъ:

11. голова его — чистое золото; кудри его волнистые, черные, какъ во́ронъ.

12. глаза его—какъ голуби при потокахъ водъ, купающіеся въ молокѣ, сидящіе въ довольствѣ;

13. щеки его—цвѣтникъ ароматный, гряды благовонныхъ растеній; губы его — лиліи, источаютъ текучую мирру;

14. руки его—золотые кругляки, усаженные топазами; животъ его—какъ изваяніе изъ слоновой кости, обложенное сапфирами;

15. голени его—мраморные столбы, поставленные на золотыхъ подножіяхъ; видъ его подобенъ Ливану, величественъ, какъ кедры;

16. уста его — сладость, и весь онъ—любезность. Вотъ кто возлюбленный мой, и вотъ кто другъ мой, дщери Іерусалимскія!

дей, но сердце мое бодрствуетъ, оно возбуждено любовью къ людямъ; я сплю, не говорю о благотворительности, но сердце мое бодрствуетъ, чтобы совершать ее, я сплю—я опускаю жертвоприношенія, но сердце мое бдитъ, благоговѣйно настроенное къ чтенію „шема“ и молитвы; я сплю—не иду въ храмъ, но сердце мое бдитъ—стремится въ синагоги и школы; я сплю—не разсчитываю (конца страданій), но мое сердце бдитъ,—пламенно желаетъ избавленія, и сердце Божіе бдитъ—избавить меня“.

То, что далѣе говорится: 1) о медлительности и какъ бы неохотѣ невѣсты отпереть двери стучащемуся съ ночного холода въ дверь ея жениху (ст. 3) и 2) о внезапномъ исчезновеніи его послѣ того, какъ она отперла дверп (ст. 6, сн. 5), является не вполнѣ понятнымъ въ области человѣческихъ отношеній взаимной любви. Поэтому не лишено интереса и значенія разъясненіе этого мѣста проф. Олесницкимъ въ духѣ своей, извѣстной намъ уже, теоріи. „Раннимъ утромъ, когда Палестина еще спитъ, восходящее солнце уже стучится въ ея дверь своими лучами, еще какъ бы влажными отъ ночной свѣжести и обильной лѣтней росы. Но теперь оно встрѣчаетъ уже не весеннюю легкую и подвижную жизнь, но жизнь, уже прельщенную продолжительнымъ ликованіемъ и лѣниво отвѣчающую на зовъ дневного свѣтила. Солнце оскорбилось и, когда земля наконецъ проснулась, сокрылось въ сѣрой песчаной мглѣ, наступило частое въ Палестинѣ въ это время года явленіе самума, поэтически изображенное въ стихѣ 7-мъ. Землю встрѣчаютъ нѣкіе *стражи*, которые бьютъ ее и насильственно срываютъ съ нея прекрасное покрывало ея растительности: разумѣются тѣ созвѣздія, которыя, по древней космогоніи, служатъ причиною бурь и волненій на поверхности земли... Хотя и выше, въ весенней пѣсни (III, 3), Палестина встрѣчалась съ подобными же стражами, но тогда они не причиняли ей такого вреда, какъ теперь, среди лѣта, и прошли мимо молча (раннею весною явленія самума бываютъ слабы)... Среди неожиданной бури, измѣнившей и обнажившей лицо всей страны, невѣста съ сожалѣніемъ мечтаетъ о сокрывшемся мирномъ и прекрасномъ солнцѣ и изображаетъ его въ поэтическомъ образѣ V, 10—16, черты и краски котораго наглядно обозначаютъ блескъ солнца и чистоту его лучей... Гдѣ же теперь твой женихъ—солнце? спрашиваютъ Палестину. Онъ сошелъ въ свои эѳирные сады, но онъ все-таки мой, и я принадлежу ему попреимуществу (стр. 375—376).

10—16. Послѣ встрѣчи Невѣсты съ дочерьми Іерусалима и повторенія ею (ст. 8) уже извѣстнаго заклинанія (ср. II, 7; III, 5) и отвѣтнаго возраженія съ ихъ стороны (ст. 9), Она съ великимъ энтузіазмомъ даетъ описаніе, ст. 10—16, несравненной красоты ея друга, причемъ „это описаніе, какъ и описаніе невѣсты, представляетъ нарочитый подборъ штриховъ и картинъ природы, заслоняющихъ черты человѣческаго образа, который однакожъ нуженъ былъ и здѣсь для того, чтобы отдѣльнымъ штрихамъ сообщить единство впечатлѣнія и чтобы образовать соотвѣтствіе другому человѣческому

ГЛАВА 6-я.

1. Куда пошелъ возлюбленный твой, прекраснѣйшая изъ женщинъ? куда обратился возлюбленный твой? мы поищемъ его съ тобою.
2. Мой возлюбленный пошелъ въ садъ свой, въ цвѣтники ароматные, чтобы пасти въ садахъ и собирать лиліи.
3. Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой—мнѣ; онъ пасетъ между лиліями.
4. Прекрасна ты, возлюбленная моя, какъ Ѳирца, любезна, какъ Іерусалимъ, грозна какъ полки со знаменами.
5. Уклони очи твои отъ меня, потомучто они волнуютъ меня.

образу. И здѣсь человѣческія черты стоятъ такъ близко, къ штрихамъ природы, что даже частица сравненія (какъ) между ними считается излишнею" (*проф. Олесницкій*, стр. 357—358). Вообще образъ Жениха рисуется здѣсь особенно смѣлыми сравненіями въ чисто восточномъ духѣ (голова его — чистое золото; кудри его — виноградныя вѣтви; глаза—голуби... щеки—цвѣтникъ ароматный, губы—лиліи, голени—мраморные столбы)...

Но именно эта гиперболичность изображенія Возлюбленнаго даетъ основаніе для перспективнаго изъясненія этого образа. „По мѣрѣ того, какъ мы всматриваемся въ эти, залитыя свѣтомъ, картины, человѣческій образъ жениха все болѣе и болѣе тускнѣетъ и наконецъ превращается въ свѣтозарный образъ *солнца*" (*проф. Олесницкій*, стр. 358). „Но эта благодѣтельная сила есть не одна только стихійная сила или видимое солнце, но и сила политическая, которую библейскіе писатели олицетворяли въ образѣ солнца Іерем. XV, 9) и представителемъ которой во время написанія Пѣсни Пѣсней былъ царь Соломонъ, шестикратно названный по имени въ нашей священной піесѣ" (стр. 360). „Указаннымъ сочетаніемъ царя и солнца уже образовался въ мысли поэта такой высокій идеальный образъ, что къ нему весьма удобно было, безъ всякаго нарушенія единства картины, присоединить штрихи, опредѣляющіе благодѣющую странѣ божественную силу. Въ солнцѣ и лазури возвышающійся надъ землею царь Соломонъ, какъ благодѣтельный геній страны, самъ собою вызывалъ въ мысли поэта образъ прославленнаго Мессіи, имѣющаго явиться въ облакахъ славы и завершить всѣ высшія премірныя благодѣянія народу" (стр. 362).

VI.

1—3. Окончаніе бесѣды Невѣсты съ Іерусалимскими женщинами о своемъ Возлюбленномъ. — 4 — 10. Новыя похвалы Соломона своей избранницѣ. — 11—12. Возлюбленная передаетъ какой-то начальный эпизодъ изъ исторіи своей любви.

1—3. На лишенный искренности, ироническій вопросъ Іерусалимскихъ женщинъ о мѣстопребываніи Жениха (ст. 1), Возлюбленная въ духѣ восточнаго остроумія отвѣчаетъ, что онъ занимается лишь любовью, собираетъ цвѣты для нея, и во всякомъ случаѣ всецѣло принадлежитъ ей (ст. 2—3, сн. II, 16). Мидрашъ такъ комментируетъ (стр. 150) разсматриваемые стихи: „Народы міра говорятъ Израилю: куда ушелъ твой Возлюбленный отъ Египта, моря, Синая? Что спрашиваете вы меня о немъ,—отвѣтило общество Израилево: что пользы вамъ спрашивать о немъ, какое участіе имѣете вы въ немъ? Я не могу,—съ тѣхъ поръ какъ я съ нимъ соединилось — оставить Его, разлучиться отъ Него. Гдѣ бы Онъ ни былъ, Онъ придетъ ко мнѣ".

4—5. Похвалы Соломона своей Невѣстѣ на этотъ разъ начинаются сравненіями: по дѣвственно-цвѣтущей красотѣ ея онъ сравниваетъ ее съ Ѳирцею, по привлекательности въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніяхъ — съ Іерусалимомъ, по нѣкоей

6. Волосы твои какъ стадо козъ, сходящихъ съ Галаада; зубы твои, какъ стадо овецъ выходящихъ изъ купальни, изъ которыхъ у каждой пара ягнятъ, и безплодной нѣтъ между ними;

7. какъ половинки гранатоваго яблока—ланиты твои подъ кудрями твоими.

8. Есть шестьдесятъ царицъ и восемьдесятъ наложницъ и дѣвицъ безъ числа,

9. но единственная -- она, голубица моя, чистая моя; единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей. Увидѣли ее дѣвицы, и—превознесли ее, царицы, и наложницы, и—восхвалили ее.

10. Кто это блистающая, какъ заря, прекрасная, какъ луна, свѣтлая, какъ солнце, грозная, какъ полки со знаменами.

11. Я сошла въ орѣховый садъ посмотрѣть на зелень долины, поглядѣть, распустилась ли виноградная лоза, расцвѣли ли гранатовыя яблоки?

12. Не знаю, какъ душа моя влекла меня къ колесницамъ знатныхъ народа моего.

внушительности и внутренней силѣ—съ грознымъ ополченіемъ. Θирца (Onomast. 540)—хананейскій городъ, взятый Іисусомъ Навиномъ (I. Нав. XII, 24), при царяхъ израильскихъ отъ Іеровоама до Замврія, былъ столицею, и взятъ Амвріемъ (3 Цар. XV, 21, 33; XVI, 6—24); теперь селеніе Таллуза, въ 2 часахъ къ сѣверо-востоку отъ Наблуса (Сихема); славился красотою. LXX, слав. Вульг. замѣняетъ собственное имя Θирца нарицательнымъ: εὐδοκία, благоволеніе; suavis. Тенденцію къ нарицательному пониманію этого названія выказываетъ и Мидрашъ (стр. 152), когда въ разсматриваемомъ стихѣ усматриваетъ указаніе „на жертвы, чрезъ которые израильтяне пріобрѣтаютъ *благоволеніе*“ (Лев. I, 4). Сравненіе Невѣсты съ грозными полками, встрѣчающееся и ниже (ст. 10), указываетъ, повидимому, на непобѣдимость Невѣсты чарами любви: напротивъ, сама она оказываетъ какъ бы магическое дѣйствіе на своего Возлюбленнаго, ст. 5.

6—7. Сн. IV, 2—3.

8—9. Здѣсь заключается безспорное указаніе на непосредственное отношеніе содержанія книги Пѣснь Пѣсней къ исторіи царя Израильскаго Соломона: какъ здѣсь ст. 8, такъ и 3 Цар. XI, 3 имѣемъ свидѣтельство о множествѣ женъ у Соломона; меньшее же число его женъ, показанное въ книгѣ Пѣснь Пѣсней, повидимому, говоритъ о сравнительно раннемъ написаніи Соломономъ нашей священной книги,—когда многоженство у него еще не развилось до степени страсти и не сопровождалось еще тѣми гибельными послѣдствіями, которыя имѣли мѣсто въ его старости (3 Цар. XI, 4 слѣд.).

Упоминаніе о многихъ женахъ Соломона сдѣлано съ цѣлію отмѣтить высокое превосходство Суламиты надъ всѣми ими; превосходство это признается даже всѣми соперницами ея (ст. 9). Въ этомъ отношеніи Суламита раздѣляетъ блаженную судьбу „добродѣтельной жены“ Притч. XXXI, 28.

10. Похвалу несравненнымъ достоинствамъ невѣсты священный поэтъ заканчиваетъ сравненіемъ ея съ величественнѣйшими явленіями природы—зарею, луною, даже солнцемъ, затѣмъ слѣдуетъ выше (ст. 4) употребленное сравненіе съ грозными полками. При этомъ сравненіе это, подобно III, 6 и VIII, 5, облечено въ форму вопросительнаго восклицанія: „кто это?..“

11—12. Небольшой отдѣлъ, обнимающій два эти стиха съ присоединеніемъ 1-го стиха гл. VII-й, представляется особенно темнымъ и труднымъ для пониманія. Изъ многоразличныхъ толкованій этого мѣста мы избираемъ то, по которому здѣсь изображается событіе изъ жизни Суламиты, непосредственно предшествовавшее ея взятію ко двору Соломона. „Орѣховый садъ“, евр. *гиннат-эгоз* (ст. 11), находился несомнѣнно на родинѣ Суламиты: по Іосифу Флавію (Bell. Iud. III, 10, 8), орѣховыя деревья росли по берегамъ Тиверіадскаго озера, слѣдовательно, вблизи къ Сонаму—родинѣ Суламиты. Ст. 12. „Колесницы“— символъ царскаго великолѣпія и роскоши (ср. 1 Цар. VIII, 11),

ГЛАВА 7-я.

1. Оглянись, оглянись, Суламита! оглянись, оглянись,—и мы посмотримъ на тебя. Что̀ вамъ смотрѣть на Суламиту, какъ на хороводъ Манаимскій?

2. О, какъ прекрасны ноги твои

быть влечену или поставлену на одну изъ такихъ колесницъ значитъ быть возвышену изъ низменнаго состоянія въ состояніе непосредственной близости къ царю (ср. Быт. XLI, 43 сл.). Такимъ образомъ, здѣсь Суламита, переносясь мыслію въ даль прошлаго, какъ бы отказывается понять происшедшую въ ея судьбѣ рѣзкую перемѣну—переходъ отъ положенія простой поселянки къ положенію невѣсты царя и затѣмъ царицы. Выраженіе евр. текста *„амми-надив“* переводы—LXX слав. Вульг. передаютъ собственнымъ именемъ Аминадава (ср. Исх. VI, 23. Чис. VII, 1. Руѳ. IV, 19 и др.), причемъ нѣкоторые древніе толкователи страннымъ образомъ усматривали здѣсь имя діавола. На самомъ же дѣлѣ здѣсь, согласно съ русскимъ синодальнымъ переводомъ и перев. архим. Макарія („колесницы знаменитыхъ въ народѣ моемъ“), надо читать въ евр. т. два слова: *амми-надив* — нарицательнаго значенія (какъ ниже въ VII, 2) и видѣть въ разсматриваемомъ стихѣ общую мысль о роскоши придворной жизни, причемъ слово *надив* можетъ имѣть и неодобрительный оттѣнокъ (въ смыслѣ насильника или тирана, какъ въ Іов. XXI, 28. Ис. XIII, 2).

VII.

1. Краткая бесѣда Суламиты съ іерусалимскими женщинами.—2—10а. Соломонъ еще разъ восторженно превозноситъ похвалами свою возлюбленную.—10б—14. Суламита твердо, безъ всякихъ колебаній, исповѣдуетъ свою искреннюю любовь къ другу своему и свою безраздѣльную привязанность ему.

1. Въ этомъ стихѣ и только здѣсь невѣста книги Пѣсни Пѣсней названа по мѣсту своего рожденія Суламита, LXX: Σοβναμίτις — nomen gentilicum отъ имени Сунемъ евр. *Шунем* или Сонамъ — города въ Иссахаровомъ колѣнѣ (I. Нав. XIX, 18; 1 Цар. XXVIII, 4; 4 Цар. IV, 8), родины Ависаги (3 Цар. I, 3) и женщины благотворительницы прор. Елисея (4 Цар. IV, 8 слѣд.); теперь селеніе Солемъ къ сѣв. отъ Зерынъ (Іезреель), Onomast. 890.

Этимъ именемъ называютъ невѣсту женщины іерусалимскія, выражая, вѣроятно, оттѣнокъ восхищенія ея красотою. Въ отвѣтъ имъ С. скромно въ видѣ взаимнаго вопроса, смыслъ котораго таковъ: „стоитъ-ли такого вниманія скромная деревенская дѣвушка, жительница незнатной Галилеи? она вѣдь не есть что-либо достопримѣчательное въ родѣ напримѣръ, хоровода Манаимскаго“. Манаимъ или Маханаимъ—городъ на восточной сторонѣ Іордана въ колѣнѣ Гадовомъ (I. Нав. III, 26. 30; 2 Цар. II, 8. 12. 29 и др.), его отождествляютъ съ развалинами Махнехъ къ сѣверу отъ Іавока (Onomast. 668). Названіемъ своимъ мѣстность эта была обязана имѣвшему нѣкогда здѣсь мѣсто чудесному явленію — видѣнному патріархомъ Іаковомъ ополченію ангеловъ (Быт. XXXII, 2—3. См. у проф. *свящ. А. Глаголева.* Ветхозавѣтное библейское ученіе объ ангелахъ. Кіевъ. 1900, стр. 206. 210). LXX, Vulg. слав. даютъ нарицательное значеніе разсматриваемому слову: χόροι παρεμβολῶν, chori castrorum, лики полковъ. Смыслъ сравненія не вполнѣ ясенъ: свѣдѣній о хороводахъ Маханаима мы не имѣемъ. Заслуживаетъ лишь полнаго вниманія мнѣніе (О. Цёкклера и др.), усматривающее здѣсь историческое воспоминаніе объ упомянутомъ уже небесномъ ангельскомъ ополченіи, явившемся Іакову при возвращеніи его изъ Месопотаміи (Быт. XXXII, 2—3).

2—10а. Данное здѣсь изображеніе красотъ невѣсты въ общемъ напоминаетъ два прежнихъ описанія ея: IV, 1—7; VI, 4—10. Но отличается отъ нихъ преобладающимъ

въ сандаліяхъ, дщерь именитая! Округленіе бедръ твоихъ, какъ ожерелье, дѣло рукъ искуснаго художника;

3. животъ твой—круглая чаша, *въ которой* не истощается ароматное вино; чрево твое—ворохъ пшеницы, обставленный лиліями;

4. два сосца твои, какъ два козленка, двойни серны;

5. шея твоя, какъ столпъ изъ слоновой кости; глаза твои—озерки Есевонскія, что у воротъ Батраббима; носъ твой—башня Ливанская, обращенная къ Дамаску;

6. голова твоя на тебѣ, какъ Кармилъ, и волосы на головѣ твоей, какъ пурпуръ; царь увлеченъ *твоими* кудрями.

7. Какъ ты прекрасна, какъ привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностью!

8. Этотъ станъ твой похожъ на пальму, и груди твои на виноградныя кисти.

9. Подумалъ я: влѣзъ бы я на пальму, ухватился бы за вѣтви ея; и груди твои были бы вмѣсто кистей винограда, и запахъ отъ ноздрей твоихъ, какъ отъ яблоковъ;

10. уста твои, какъ отличное вино. Оно течетъ прямо къ другу моему, услаждаетъ уста утомленныхъ.

11. Я принадлежу другу моему, и ко мнѣ *обращено* желаніе его.

12. Приди, возлюбленный мой, выйдемъ въ поле, побудемъ въ селахъ;

13. поутру пойдемъ въ виноградники, посмотримъ, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли почки, расцвѣли ли гранатовыя яблони; тамъ я окажу ласки мои тебѣ.

14. Мандрагоры уже пустили бла-

чувственнымъ характеромъ (описаніе начинается снизу — съ ногъ и бедръ); при обиліи здѣсь самыхъ смѣлыхъ сравненій въ чисто восточномъ духѣ (ст. 2—6), реализмъ картины достигаетъ высшей степени и даже переходитъ всякую мѣру (ст. 9). Ст. 3—4 см. IV, 4—5. Въ ст. 5 Есевонъ и Батраббимъ — синонимы. Именемъ Есевона (Чис. XXI, 26 см. Втор. I, 4 и др. Onomast. 454) называлась столица Аммореевъ, а затѣмъ моавитянъ, при I. Навинѣ назначенная въ удѣлъ колѣну Гадову (I. Нав. XIII, 26), теперь Хесбанъ къ юго-западу отъ Амманъ. *Батраббим* (у Кенник. код. 77) или *Бат-раббим*, у LXX: θυγατρὸς πολλῶν, слав. дщерей многихъ, Vulg: filiae multitudinis, указываетъ на большую населенность Есевона. Дамаскъ — главный городъ Сиріи (Ис. VII, 8), завоеванный Давидомъ (2 Цар. VIII, 6), теперь Димашкъ—еш—Шамъ (Onomast. 378).

По объясненію проф. Олесницкаго, разсматриваемая глава и вообще отдѣлъ VI, 4—VIII, 4 представляетъ „*осеннюю* пѣснь обѣтованной земли, теперь переполненной вполнѣ уже созрѣвшими плодами и политически окрѣпшей (годовымъ сезонамъ противостоятъ здѣсь періоды исторіи евреевъ, какъ это признаютъ Таргумъ и Мидрашъ). Палестина покрыта стадами козъ такъ густо, какъ голова человѣка волосами; ея созрѣвшія гранатовыя яблоки рдѣютъ какъ дѣвичьи ланиты; ея точила полны готоваго лучшаго вина и проч. Особенно здѣсь выставляется на видъ сопоставленіе невѣсты съ пальмою, съ ея *осеннимі* плодами, чего въ предшествующихъ пѣсняхъ мы не замѣчали... При этомъ естественномъ богатствѣ и величіи, Палестина сильна политически: на ней красуются прекрасные и сильные города, напр.: Іерусалимъ, Тирца, Дамасская крѣпость, ея бранные полки выступаютъ стройно, подобно хороводамъ (VIII, 1 по LXX). Образъ плодовитой пальмы, служащій показателемъ богатства созрѣвшихъ земныхъ плодовъ, обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ высокое значеніе Палестины, какъ политической единицы; въ такомъ значеніи фигурируетъ пальма между изображеніями іерусалимскаго храма“ (стр. 376—377).

10б—14. Въ отвѣтъ на пышныя и частію неумѣренныя похвалы совершенствамъ невѣсты, она спѣшно и порывисто заявляетъ, что она со всѣми своими достоинствами и совершенствами всецѣло принадлежитъ другу своему (ст. 10б — 11), котораго она теперь настойчиво зоветъ на лоно природы, чтобы насладиться ея красотами и произве-

говоніе, и у дверей нашихъ всякіе превосходные плоды, новые и старые; *это* сберегла я для тебя, мой возлюбленный!

ГЛАВА 8-я.

1. О, еслибы ты былъ мнѣ братъ, сосавшій груди матери моей! тогда я, встрѣтивши тебя на улицѣ, цѣловала бы тебя, и меня не осуждали бы.

2. Повела бы я тебя, привела бы тебя въ домъ матери моей. Ты училъ бы меня, а я поила бы тебя ароматнымъ виномъ, сокомъ гранатовыхъ яблоковъ моихъ.

3. Лѣвая рука его у меня подъ головою, а правая обнимаетъ меня.

4. Заклинаю васъ, дщери Іерусалимскія,—не будите и не тревожьте возлюбленной, доколѣ ей угодно.

дененіями (ст. 12—14). При этомъ благовоніе, разливаемое въ саду мандрагорами — этими „яблоками любви“, — символизируетъ силу и жизненность ея любви къ своему другу, (ст. 14а), а ея мудрая заботливость о немъ и житейская ея опытность свидѣтельствуются обиліемъ и разнообразіемъ сбереженныхъ ею для него прекрасныхъ плодовъ (14б). Мандрагоры, евр. *дудаим*, — извѣстное на древнемъ и современномъ востокѣ растеніе *Atropa Mandragora* или *Mandragora vernalis* изъ породы Белладонны, съ небольшими блѣдноземеными и красноватыми цвѣтками на стволѣ величиною до 1 метра; въ маѣ или іюнѣ на немъ появляются маленькія желтыя, сильно пахнущія яблоки, которыя, по свидѣтельству Плинія, у арабовъ употреблялись въ пищу, хотя и производили снотворное дѣйствіе. Древній и новый востокъ, классическая древность и всѣ средніе вѣка до новѣйшихъ временъ приписывали мандрагорамъ чародѣйную силу искусственнаго возбужденія половой любви и также оплодотворенія безплодныхъ дотолѣ супружествъ. Это вѣрованіе служитъ основаніемъ разсказа Быт. XXX, 14 — 16. Въ устахъ же невинной Суламиты это упоминаніе о мандрагорахъ (какъ вмѣстѣ и о плодахъ) есть простой символъ истинной любви, силу которой она затѣмъ (VIII, 6—7) неподражаемо изображаетъ.

VIII.

1—4. Возлюбленная выражаетъ страстное желаніе, чтобы ея отношенія къ Возлюбленному получили характеръ большей простоты и интимности.—5—7. Пламенное исповѣданіе Суламиты несравненной силы истинной любви.—8—10. О сестрѣ Суламиты.—11—12. Воспоминаніе ея о своемъ первобытномъ состояніи.—13—14. Въ заключеніе она вновь зоветъ своего друга, слыша и отъ него соотвѣтствующій призывъ,—стремиться на лоно природы для всецѣлаго наслажденія блаженствомъ любви.

1—4. Нормальная половая любовь, хотя и отлична по природѣ и характеру отъ любви по крови и свойству, но въ отношеніи интимности, простоты и непосредственности, первая естественно беретъ за образецъ вторую; и потому какъ Женихъ книги Пѣсни Пѣсней не разъ именовалъ Невѣсту сестрою (*ахот*, IV, 12), такъ и Невѣста, не удовлетворяясь положеніемъ своимъ — первой изъ царицъ (VI, 8 — 9), жаждетъ тѣснѣйшаго невозбраннаго общенія съ своимъ Женихомъ—на подобіе ласкъ сестры и брата. При этомъ главенствовать долженъ Женихъ—братъ—онъ долженъ учить Невѣсту—сестру (ст. 2), а она должна дарить ему беззавѣтную любовь и преданность. Ст. 3 повторяетъ сказанное въ ст. 6 гл. II-ой. По объясненію проф. Олесницкаго, въ разсматриваемыхъ стихахъ „земля, совершившая свой лѣтній трудъ и сдавшая свои плоды,

5. Кто это восходитъ отъ пустыни, опираясь на своего возлюбленнаго? Подъ яблонью разбудила я тебя: тамъ родила тебя мать твоя, тамъ родила тебя родительница твоя.

6. Положи меня, какъ печать на сердце твое, какъ перстень, на руку твою, ибо крѣпка, какъ смерть, любовь; люта, какъ преисподняя, ревность; стрѣлы ея—стрѣлы огненныя; она—пламень весьма сильный.

7. Большія воды не могутъ потушить любви, и рѣки не зальютъ ея. Еслибы кто давалъ все богатство дома своего за любовь, то онъ былъ бы отвергнутъ съ презрѣньемъ.

выражаетъ желаніе, чтобы солнце было ея братомъ, т. е., неразрывно пребывало вмѣстѣ съ нею для того, чтобы ея виноградники и гранаты непрерывно цвѣли, чтобы старые плоды немедленно смѣнялись новыми. Пѣснь опять оканчивается обращеннымъ къ дочерямъ Іерусалима заклинаніемъ не нарушать царствующей въ природѣ любви и гармоніи" (нит. соч. стр. 377).

5. Вопросъ „кто это?.." какъ и въ аналогичныхъ мѣстахъ III, 6 и VI, 10, принадлежащій вѣроятно, Іерусалимскимъ женщинамъ, относится, безъ сомнѣнія, къ новому и теперь уже послѣднему выступленію Невѣсты. Въ евр. Библіи: *ала мин-гамидбар*, Vulg. ascendit de deserto, русск. синод.: восходитъ (архим. Макарія: восходящая) отъ пустыни, что буквально согласуется съ III, 6 и вѣроятно искусственно перенесено оттуда. LXX читали иначе и передали: λελευκανθίσμενη, слав. убѣлена, что гораздо ближе соотвѣтствуетъ общему ходу мысли и рѣчи священнаго поэта: Невѣста въ его книгѣ представляется усовершающеюся, и если въ началѣ книги она являлась черною отъ загара солнечнаго (I, 4—5), то теперь, въ концѣ книги, она—по противоположности—представляется убѣленною, достигшею ослѣпительной бѣлизны. По мнѣнію проф. Олесницкаго, „послѣдняя стадія Пѣснь Пѣсней VIII, 5—14 приближается къ картинамъ первой стадіи и изображаетъ первую половину *зимняго* сезона, охлажденіе и усыпленіе или—такъ сказать—сокращеніе жизни природы... Не напрасно Палестина въ предшествующей пѣснѣ такъ боялась удаленія солнца. Солнце уклонилось — и вотъ въ одно утро Палестина является вся бѣлая отъ снѣга. Эта мысль прямо выражается въ первыхъ словахъ пѣсни по чтенію LXX: *кто это выступаетъ блестящая такимъ бѣлымъ цвѣтомъ* (по LXX) и яркостью этого снѣжнаго цвѣта *уподобляющаяся другу своему* солнцу?" (стр. 377); „главнымъ зимнимъ украшеніемъ Палестины служатъ созрѣвающіе въ декабрѣ апельсины... священный поэтъ ихъ, и только ихъ однихъ разумѣетъ подъ общимъ именемъ яблокъ. Обремененныя зрѣющими плодами апельсинныя деревья—одинъ уцѣлѣвшій залогъ близкихъ отношеній между землею и солнцемъ; въ этихъ запоздалыхъ плодахъ зимнее солнце едва *возбуждаетъ* къ жизни Палестину, *спящую на лонѣ матери*—земли" (стр. 378).

6—7. Въ ст. 6 – 7, по согласному признанію всѣхъ древнихъ и новыхъ толкователей, выражена основная мысль или идея всей книги Пѣснь Пѣсней—о несравненно высокомъ достоинствѣ и непреоборимой силѣ истинной любви, какъ начала по существу и источнику своему божественнаго. Даваемое здѣсь священнымъ поэтомъ изображеніе любви—крѣпкой, какъ смерть, и ревности, ненасытимой, какъ самый шеолъ, любви, какъ божественнаго пламени не угасимаго и неподкупнаго, является поистинѣ неподражаемымъ, истинно классическимъ. Но все глубокое значеніе этой картины дѣлается понятнымъ лишь въ связи съ типологическимъ толкованіемъ книги Пѣснь Пѣсней. Воспользуемся и здѣсь превосходнымъ объясненіемъ проф. Олесницкаго. „Какъ писатели пророческихъ книгъ въ изображеніе крайняго политическаго паденія еврейскаго народа вводятъ черты блаженнаго мессіанскаго царства въ видахъ утѣшенія и ободренія народа, такъ и писатель Пѣснь Пѣсней, дойдя въ своемъ описаніи до низшей ступени жизни обѣтованной земли, какъ-бы уснувшей отъ дѣйствія зимняго холода, неожиданно вводитъ въ свое описаніе не имѣющую отношенія къ изображаемой имъ дѣйствительной Палестинѣ черту высшаго непосреднаго отношенія Бога къ землѣ своего народа. Изображеніе любви въ стт. 6—7, которая не прерывается даже смертію и адомъ. не потушается никакими (зимними)

8. Есть у насъ сестра, которая еще мала́, и сосцовъ нѣтъ у нея; что́ намъ будетъ дѣлать съ сестрою нашею, когда будутъ свататься за нее?

9. Еслибы она была стѣна, то мы построили бы на ней палаты изъ серебра; еслибы она была дверь, то мы обложили бы ее кедровыми досками.

10. Я — стѣна и сосцы у меня, какъ башни; потому я буду въ глазахъ его, какъ достигшая полноты.

11. Виноградникъ былъ у Соломона въ Ваал-Гамонѣ; онъ отдалъ этотъ виноградникъ сторожамъ; каждый долженъ былъ доставлять за плоды его тысячу сребреников.

12. А мой виноградникъ у меня

водами и не пріобрѣтается никакими сокровищами, есть изображеніе той божественной любви, которая служитъ основаніемъ всего ветхозавѣтнаго ученія о Мессіи. Приспособительно къ тому, что въ нашей книгѣ вообще говорится о солнцѣ и его благодѣтельной теплотѣ, и любовь Божія называется здѣсь *пламенемъ* (по первоначальному чтенію; *пламя Іеговы Ягъ* [1]). Такимъ образомъ совершенно справедливо древніе толкователи видѣли въ Пѣсни Пѣсней одно изъ самыхъ высшихъ и самыхъ свѣтлыхъ пророчествъ о Мессіи. Съ того высшаго пункта, на которомъ мы стоимъ въ VIII, 6 — 7, общая мысль всей книги Пѣснь Пѣсней должна быть опредѣлена такъ: Среди всѣхъ превратностей судьбы Палестины, среди смѣняющихся картинъ ея природы, для народа еврейскаго есть только одно твердое и неизмѣнное основаніе жизни, это — обѣщанная ему высшая и совершеннѣйшая любовь Іеговы, съ раскрытіемъ которой не нужно уже будетъ солнца на землѣ избранныхъ Божіихъ, потому что самъ Іегова будетъ для нея солнцемъ незаходимымъ“ (стр. 378—379). О параллелизмѣ ст. 6—7 съ Римл. VIII, 35—39 мы говорили.

8—14. Общій смыслъ этого заключительнаго отдѣла состоитъ въ указаніи полнаго довольства и удовлетворенія, какого достигла Невѣста въ осуществившемся наконецъ давно желанномъ ею безраздѣльномъ общеніи съ своимъ Возлюбленнымъ. Частности же, какъ и въ многихъ мѣстахъ нашей священной книги, съ трудомъ поддаются удовлетворительному, безспорному объясненію. Такъ трудно опредѣлить кто именно та младшая сестра, о которой говорятъ—по предположенію, имѣющему много сторонниковъ (см. напр. русскій переводъ Архим. Макарія) — братья Невѣсты въ ст. 8—9. Мидрашъ и многіе толкователи (въ томъ числѣ и проф. Олесницкій) видятъ и въ этой, младшей сестрѣ Невѣсту—героиню Пѣсни Пѣсней, и именно въ примѣненіи къ ней, т. е., ближе всего къ историческому библейскому Израилю, изъясняютъ упомянутыя здѣсь несовершенства и нужды этой сестры. Однако за отличіе ея отъ Невѣсты говоритъ уже самое названіе ея меньшею, а также и то, что въ ст. 10 Невѣста по своимъ качествамъ прямо противополагается, какъ „достигшая“ полноты (у архим. Макарія: „нашедшая миръ“), несовершенной младшей сестрѣ. Поэтому естественнѣе видѣть въ послѣдней чуждую Израилю и его богодарованному достоянію общину язычниковъ, хотя и вѣрующихъ, но далеко не имѣвшихъ благопріятныхъ условій для развитія и практическаго осуществленія этой вѣры (можно здѣсь для сравненія привести изображеніе состоянія язычества у Апостола Павла, напр. Ефес. II, 12—13).

Виноградникъ, ст. 11 — 12, напротивъ, есть, какъ и въ Ис. V, 1 сл., образъ ветхозавѣтнаго библейскаго Израиля съ его теократическимъ устройствомъ. „Ваалъ-Гамонъ“, какъ собственное имя, въ ветхозавѣтныхъ каноническихъ книгахъ не встрѣчается. Сопоставленіе этого имени съ городомъ Валамономъ, упомянутымъ въ книгѣ Іудиѳь, VIII, 3 имѣетъ лишь ту вѣроятность, что послѣдній находился (Onomast. 191. 228) вблизи Доѳана или Доѳаима (Onomast. 396), т. е., вблизи и Сунема—родины Суламиты. Но еще вѣроятнѣе, что „Ваалъ-Гамонъ“ есть нарицательное имя, буквальное значеніе

---

[1]) Дѣствительно, вмѣсто принятаго чтенія въ евр. текстѣ ст. 6 שַׁלְהֶבֶתְיָה пламень (сильный), въ весьма многихъ кодексахъ у Кенникотта и Росси читается שַׁלְהֶבְתִיָה пламя Іеговы.

при себѣ. Тысяча пусть тебѣ, Соломонъ, а двѣсти—стерегущимъ плоды его.

13. Жительница садовъ! товарищи внимаютъ голосу твоему, дай и мнѣ послушать его.

14. Бѣги, возлюбленный мой! будь подобенъ сернѣ, или молодому оленю, на горахъ бальзамическихъ.

котораго: „владѣтель множества (народовъ)“, вполнѣ приличествуетъ Соломону, а еще болѣе прообразованному имъ Мессіи.

Съ послѣдними взаимными привѣтами любви, ст. 13—15, Возлюбленные исчезаютъ въ эѳирныхъ высотахъ, съ чѣмъ вмѣстѣ замолкаютъ и послѣдніе тоны превосходнѣйшей изъ пѣсней—Пѣсни Пѣсней, этой—по истинѣ, „неуловимой загадки, предложенной человѣческому духу Духомъ Абсолютнымъ“ *(проф. А. А. Олесницкій*, Книга Пѣснь Пѣсней.. Стр. 338).

А. Глаголевъ.